

**Великому
Октябрю
50 лет**

П. БОРОДКИН

БОРЦЫ, ПОД ЗНАМЕНА!

**ПОВЕСТЬ-ЛЕТОПИСЬ О ЖАРКИХ
БОЯХ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ**

В декабре 1917 года в Барнауле военно-революционный комитет провозгласил Советскую власть...

А весной следующего, в мае, Алеху вызвали в городской Совет.

За столом сидел человек в синей косоворотке. У стола, в очереди, толкалась, сдержанно судачила такая же, как и Алеха, голь перекатная.

— Когда Алеха протиснулся к столу, его коротко спросили:

— Ваша фамилия?

— Переялов...

— Алексей Иванович? — и, не ожидая ответа, добавили: — Пойдите, товарищ Переялов, в реквизиционную комиссию...

На испитом лице Алехи просочился робкий румянец. Не помнил Алеха, чтобы кто-то и когда-то его навеличивал по имени, отчеству и фамилии полностью. Безымянным, почитай, жил до этого по воле высокомерных чиновников. А сейчас вдобавок и за товарища сочли. Знакомое оно, это слово — товарищ, только сейчас для Алехи оно звучало по-новому, по-иному.

Мудреное название комиссии Алеха тотчас и надежно забыл.

— А где ента комиссия-то?

Голос из-за стола вежливо растолковал:

— Как выйдете, налево, в конце коридора...

Здесь тоже очередь. Алеха увидел знакомых: поденщика Максима Галкина, плотника Ивана Нерытова. Сразу осмелел:

— Здесь что ли комиссия?

— Тут-ка! Становись в хвост.

Из дверей то и дело выбегали люди, возбужденные, радостные. В руках вертели кургузы, в четверть листа бумажки.

Настала очередь Алехи. Открыл дверь, опять удивился немало — в просторной комнате среди пятерых, сидевших за столом, пимокат Рудаков, улыбающийся, веселый. Он пояснил другим членам комиссии:

— Перевалов, инвалид русско-японской войны. Потеря кисти левой руки...

Поднялся председатель комиссии, протянул Алехе знакомый уже листок.

— Вот вам ордер на получение разового пособия. Сегодня же пойдите на скотоперегонный пункт купца-мясопромышленника Колокольникова. Там от нашего представителя получите в собственность корову...

Вышел Алеха с бумажкой в руке и не сразу уразумел, что дожил до желанного пенсиона. «Стал быть, она, новая власть, и есть настоящая, нашенская»...

И вот чудо невиданное — Алеха пришлось во дворе ладить пристройку для коровы. Дело незнакомое и подвигалось медленно. Алеха же не замечал того. Быть может, потому, что не переставал удивляться внезапной перемене в своей жизни.

В эти дни Алеха впервые познал гордость человека, прежние заслуги которого оценили люди, власть. Проснулся в нем глава семейства. Жену прошибла слеза первой в жизни радости. Раньше Алехе такое без внимания. Теперь же нашелся, что сказать:

— Чего ради слезу роняешь? Коли от радости, так поверь мне, не последняя она при новой власти...

И вдруг совсем другое навалилось. Поплыл над Барнаулом тяжкий перезвон церковных колоколов. Тонкой, захлебывающейся разноголосице колокольной мелочи, как в пасхальный праздник, басовито торжественно вторили «коренные» — самые большие колокола.

На улицах — толпы хорошо одетых людей. Господствовал один цвет — зеленый. Зеленые банты на бортах добротных пиджаков, на шуршащем шелке платьев; такие же повязки — на рукавах кителей.

Своим грубым слухом Алеха отчетливо уловил, что задушевное слово «товарищ» здесь заменило издавна знакомое и страшное — «господин».

Густая толпа катилась к городскому нагорному кладбищу. Впереди ее и в окружении конвоя — два человека.

— Кого-й-то, зачем и куда ведут?

Какой-то чистенький господин злорадно процедил любопытствующему Алехе:

— Большевиков в царство небесное!..

Неожиданно и глухо треснул выстрел. Один из двоих, еле представлявший ноги от белогвардейских побоев, секретарь Барнаульского Совета Киреев, рухнул безжизненным на дорогу.

Толпа даже не остановилась. Ее неудержимо влекло вперед жгучее любопытство — ведь второй арестант, большевик Малюков, когда-то был своим братом — прапорщиком. Многие дамы, шедшие сейчас в толпе, бывало, танцевали с ним в Народном собрании головокружительные вальсы Штрауса, кокетничали изо всех сил, чтобы привлечь к себе его внимание.

Вот и кладбищенский косогор. С одной его стороны хорошо просматривались городские кварталы, прямые, словно вычерченные на бумаге, с другой — плескалось море луговой зелени.

Остановились. Офицер, начальник конвоя, жмурясь от июньского солнца, с улыбкой на лице предложил арестанту:

— Выбирайте местечко сами, где понравится!

— Не кощунствуйте...

— Помилуй бог! Что вы! — в голосе офицера напускная обида. Толпа притаилась в немом и томительном ожидании.

Малюков взглянул на город, лежавший внизу, шатнул к покосившемуся от времени надгробному кресту. На его черной грани начертан химическим карандашом свою фамилию, твердым голосом оповестил конвой:

— Я готов!..

Не мольба о пощаде, не малодушие, а уверенность в скорой победе над врагом прозвучали в последних словах одного из руководителей Красной Гвардии Барнаула.

Выстрел...

Смятение охватило Алеху. Что же это такое?

Не заметив как, он оказался на Соборной площади. Здесь помаленьку до него стал доходить смысл происшедшего. Из раскрытых настежь дверей Петропавловского собора, переполненного людьми, доносились хлесткие, как удары бича, слова благодарственного молебна:

— Возрадуйтесь, чада мои, концу черного господства большевиков и всех союзников! Силами братьев-чехов и истинно православных русских людей восстановлены христианские порядки...

Алеха остановился у афишной шестигранной будки. Большой, совсем свежий лист серой бумаги прочертили ровные шеренги букв, больших и жирных, чтобы каждому были зримы. Напечатанное не для

Алехи: только и понимал одни цифры через прежнюю работу гардеробщиком в Народном доме, буквы же не знал ни одной.

И прочитать некому. Люди подходили, любопытствовали, но впоследствии — такая же темнота, как Алеха. Тянулись потому к живому слову, теснотились у соборных дверей.

В ноздри Алехи шибнула острый и тонкий запах духов. Оглянулся и глаза заслезились от ослепительного блеска накрахмаленной и белой, как первый снег, сорочки, туго перетянутой в вороте черной бабочкой. Для высокого статного мужчины вроде нет Алехи. Достал золотое пенсне и впился глазами в строки. Наверное, они ему понравились: начал вразумительно долбить вслух:

— «Все имения, принадлежащие как отдельным лицам, так равно и товариществам, обществам, лежащие на землях, арендованных и собственных, возвращаются со всем инвентарем, живым и мертвым, принадлежащим хозяевам...»

И человек заговорил. Теперь уже с Алехой. В голосе смесь гнева с торжеством:

— Да-с! Это постановление Временного сибирского правительства — блестящая экономическая санкция против большевистских Советов! Восторжествовала наша справедливость! Большевиков на свалку истории!

Голос показался знакомым Алехе. Напряг память и вспомнил, что слышал этого человека на митинге в Народном доме по случаю свержения царя. Точно, он и есть... От каких-то эсеров или меньшевиков разглагольствовал...

С тяжелым чувством в душе уходил Алеха домой с площади.

Через несколько дней на Береговую улицу, где он жительствовал, нагрянули новоиспеченные милиционеры. За их спинами несколько штатских.

Один из них развернул лист бумаги. От предчувствия недоброго Алеха сжался в комок.

— Здесь, в списке бывшего Совдепа значится, что гражданин Перевалов незаконным образом получил корову, принадлежавшую господину Колокольникову. На основании постановления правительства и предписания губернского управления я, как доверенный господина Колокольникова, обязан изъять принадлежащее ему имущество...

Алеха кинулся в пригон, загородил дорогу.

— Не дам корову! Кормилица она мне!

— Именем закона!.. — жестко и властно сказал тот же штатский.

В глазах Алехи изумление. Только сейчас он признал в штатском того самого, в белой сорочке. В этот раз на нем шелковая косоворотка с красивой вышивкой перехвачена шелковым шнуром-пояском.

— Все равно не дам!

Исступленный крик Алехи оборвал сочный звук «хлясь!». Раз, другой, третий... Спину опоясала резкая, жгучая боль.

В угасавшем сознании Алехи искрой промелькнула мысль: «Капля в каплю, как при царе-батюшке...»

30 июня 1918 года в Омске родилось Временное сибирское правительство. Судьбы Алтая стал вершить управляющий губернией, тот же губернатор, для маскировки названный по-иному.

В «новом» правительстве министерские портфели расхватали меньшевики и эсеры. Его глава — Вологодский — тоже эсер.

«Демократы» поднялись на недосягаемые до сих пор вершины политического ханжества и демагогии. Эсеро-меньшевистские лозунги о «народоправстве» и их настоящее содержание разнились, как черное от белого. Каждый взмах правительства жезлом власти рождал благородное «браво» самой оголтелой контрреволюции...

В просторной гостиной — скопище белогвардейских офицеров. Длинный стол — богатая коллекция вин редчайших марок, изысканных закусок. Всего немногим более месяца назад в доме барнаульского интендантского полковника Кузьмина эта же компания довольствовалась единственной бутылкой коньяка без лимона. Теперь белогвардейское подполье легализовалось.

Хозяин гостиной, сын регента Петропавловского собора штабс-капитан Ракин обратился к собравшимся:

— Господа! Не мне вам говорить о наставших приятных переменах. Я собрал вас, чтобы ознакомить с весьма важными документами, полученными управляющим губернией господином Строльманом. Первый из них — постановление Временного сибирского правительства от 3 июля 1918 года. Вот самое важное из него.

Внятно, с расстановкой Ракин зачитал:

— «Об определении судьбы бывших представителей Советской власти... Представители Советской власти подлежат суду Всесибирского учредительного собрания...»

Ракин оторвался от бумаги, с удовлетворением прокомментировал:

— Как видите, господа, правительство оказалось тонким дипломатом. Ссылка на несуществующее учредительное собрание — умнейший ход и имеет одну цель: внести успокоение в низы народа. В самом же деле правительство одобряет преследование лиц, опасных для новых государственных порядков, вплоть до их расстрела без суда и следствия. А вот другой документ. Датирован 6 июля 1918 года. Советы объявляются вне закона...

Воцарилась торжественная, благочестивая тишина. Каждому присутствовавшему в гостиной в натуральном виде нарисовался дом на улице Мало-Олонской в Барнауле. Из добротного кирпича, трехэтажный, с глухими высокими заборами. Дом построил купец Поскотинов, прозванный за сквердность железным грошом. Строил дом на века.

Белогвардейцы превратили его в застенок, бросив сюда свыше трехсот советских и партийных работников и просто людей, сочувствовавших Советской власти.

Толстые стены не могли рассказать о садистских зверствах белогвардейцев. Дорога, уходившая от дома к нагорному кладбищу, не скрывала тайн от глаз людских — на ней оставляли кровавые следы узники с Мало-Олонской.

В то время Ракин, ставший комендантом города, потирал руки, цинично цедил:

— Подходящий дом и, главное, кладбище рядом...

И все же, когда белогвардейцы заносили руки над жертвами, рождалось сомнение — не осудит ли будущее правительство за чрезмерные жестокости?

Теперь же сомнениям нет больше места. Произвол возводился в ранг законности.

Первым от приятного оцепенения очнулся полковник Кузьмин, потянулся к столу.

— Наиприятнейшие новости сообщил нам достопочтенный хозяин. Мыслю, господа, что на нашу улицу пришел праздник и впрямь светлее первопрестольного!

Слова восприняли, как приглашение к столу.

Под звон хрустала густо сыпались тосты. В дни подполья этих людей связывала гнилая веревочка мерзкого страха за собственную шкуру. Сейчас под хмельком рождалось иное — самоуверенность, вера в собственный геройзм, особую удачливость.

— Господа, как старший по возрасту и званию, предлагаю выпить за новое правительство! Ей-ей, такого в России не бывало. Удобное правительство, скажу вам-с!..

За «удобное» правительство пили до зеленых чертиков.

Вдруг Ракин нарушил шум веселья недовольным усталым голосом:

— Не знаю, господа, но вино бессильно против меня.

И совсем по-иному, как одержимый, закричал, ударив по столу кулаком:

— Как иссохшая земля жаждет влаги, так душа моя — крови! Большевистской крови, господа!

Искра запала в благодатную почву. Дружный рев потряс гостиную:

— Смерть большевикам, оставшимся в живых!

— На то благословение святой церкви!..

Опять заговорил, старший в этом сборище, полковник Кузьмин:

— Не помню, кто сказал, но сказал мудро, господа: «Дело прочно, когда под ним струится кровь!..»

Ласковая июльская ночь расплескала лунный разлив по тюремному двору. В его дальнем, глухом углу — резкий свист клинков, короткие стоны, глухие звуки падающих тел. В диком упоении густо крякали, пыхтели единомышленники Ракина. Потом наступила зловещая тишина, погасли зеленые огоньки на остриях клинков.

В кабинете начальника тюрьмы потрезвевший Ракин долго пялил глаза на список казненных. Лицо передернула брезгливая гримаса.

— Кочаны капусты, а не головы снесли! Среди израсходованных нет ни одного известного мне большевистского комиссара!

И тут же утешился:

— Ничего! Успеется! Не все сразу...

Случай утолить жажду «настоящей» большевистской кровью действительно представился Ракину, но спустя не один месяц...

Под видом землемеров Присягин, Цаплин, Казаков и Карев вошли в деревню Луковку Каменского уезда.

В воскресный июньский полдень на улицах обычное оживление: смех, песни, толпы босоногих ребятишек.

В центре деревни повстречались пять человек. По одежде не походили на крестьян. Один из них долго щурил близорукие глаза. Потом заговорил с едкой насмешкой:

— Никак старые знакомые! Вот эта встреча! Выходит, откомиссились, товарищи!

Это был учитель, эсер Филимонов. Вокруг собирались любопытные.

— Идейный вожак алтайских большевиков.

Чей-то дюжий кулак мелькнул в воздухе. Кровь с разбитого лица Присягина густым крапом легла на белую сорочку палача.

Нового удара не последовало: среди собравшихся крестьян пробежал ропот возмущения:

— Пошто самосуд чините?

— Пусть власти разберутся!

Филимонов угодливо пропел:

— И это правильно! На сборню, под замок их!..

На другой день арестованных повезли из деревни. К подводам подходили крестьяне. Они сочувственно качали головами, совали в подводы продукты. Утром 23 июня 1918 года у каменской тюрьмы

арестованных встретили местные офицеры. Один из них ранее служил в Барнаульском гарнизоне.

— Попались, узурпаторы! Мыла на веревку не пожалеем!

От офицера разило дурной смесью винного перегара и тонких духов.

Через два дня глубокой ночью четверку арестованных вывели из общей камеры, повели по улицам.

Из кривого переулка потянуло прохладой. Показалась черная лента реки. Неожиданно вырвался шум пристанских причалов: шипенье пара, крики людей, грохот бочек на трапах.

Арестованных втолкнули в тесную каюту пассажирского парохода, который стоял на пристани чуть не до следующего вечера.

Кто-то из пассажиров дерзнул заказать для них ужин в буфете. Бдительные стражи, не медля минуты, перевели арестованных в трюм.

Здесь царили тошнотворные запахи соленой рыбы, машинного масла и керосина. Было душно и жарко. Пароход дал свисток, зашелепал по воде плициами. Трюм наполнил тром пустых железных бочек, шум машины. Лихорадочно вздрагивало пароходное днище.

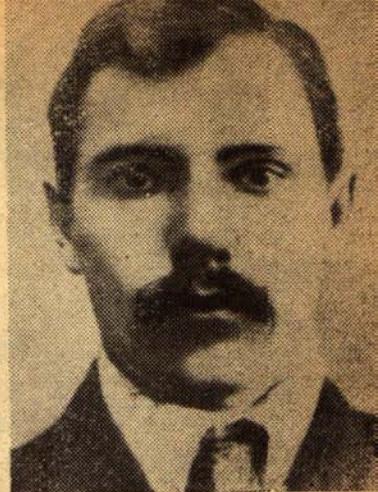
Ночью арестованных пересадили на небольшой буксирный пароход. Тот бросил якорь посредине реки, когда дополз до пристани Шелаболихи.

Цаплин спросил:

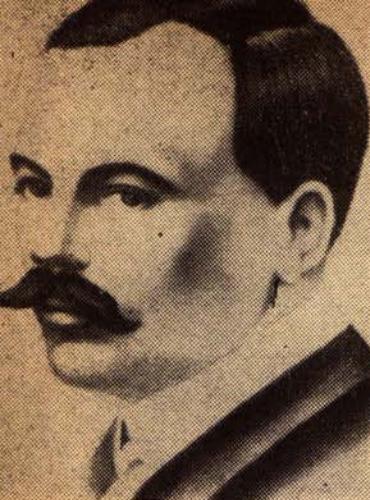
- Когда кончится прогулка по Оби?
- Скоро! — неохотно ответил угрюмый страж.
- Почему же мы стоим?
- Ожидаем распоряжения...

Утром по плывущим корягам, быстро убегавшим берегам узники определили, что пароход изменил курс на обратный. Вот позади и Камень. Лишь в Новониколаевске пароход причалил к берегу. А потом... потом перевод в страшную барнаульскую тюрьму.

За решетки тюремных одиночек, где сидели Присягин, Цаплин и другие, просочились слухи о кровавых забавах барнаульских белогвардейцев. Вскоре начались придиличные допросы с настоящими пытками. Однажды дежурный барнаульского полка запросил от тюремной администрации данные о четырех «главарях совдепии» — Присягине, Цаплине, Казакове, Фомине. Ясно, что им грозила расправа.

И. В. Присягин

М. К. Чаплин

Иван Присягин, опытный конспиратор, сумел передать записку барнаульским большевикам, оставшимся на воле.

«Товарищи, нужно приложить все усилия к освобождению Чаплина. Ему первому грозит опасность быть убитому!..»

«Не сегодня-завтра расправа. Головы на обед в качестве десерта. Очередь неизвестна. Особо опасно Ц. (Чаплину — автор)».

Ленинской школы ученик Иван Присягин остался верен себе. Суровой правдой, скромностью, заботой о других проникнуты его строки.

Поздним вечером 26 сентября 1918 года в барнаульскую тюрьму явился конвой. Старший, прaporщик Еремеев, предъявил требование за подписью Ракина о немедленной выдаче заключенных Присягина, Чаплина, Казакова и Фомина.

— Зачем? — спросил для соблюдения формы дежурный помощник начальника тюрьмы.

С многозначительной улыбкой на лице, полуульяным, заплетающимся языком прaporщик пояснил:

— Для перевода в Новониколаевск!..

Загромыхали тяжелые запоры, уныло запели ржавые петли дверей. В коридоре послышалась глухая возня.

Люди, приникшие ушами к дверям своих камер, вдруг в ужасе отскочили прочь. Тюремные стены пронзил леденящий кровь крик:

— Прощайте, товарищи! Нас уводят банда пьяных офицеров!..

Ракин остался доволен на этот раз. Не «кочаны капусты», а головы четырех партийных и советских руководителей Алтая он положил «на десерт»...

Прошло почти полвека с тех пор. Но время оказалось бессильным разгадать тайну гибели Присягина, Чаплина, Казакова и Фомина. Ясно одно — они приняли мученическую смерть.

Пьяная белогвардейщина надежно похоронила концы в воду. До сих пор точно не установлено место захоронения героев...

Временное сибирское правительство не баловало деревню своими симпатиями. Не стеснялось запускать руку в крестьянские закрома, взыскивало прежние недоимки. Насаждало царские порядки в землевладении и землепользовании. Не оставались в долгу перед ним крестьяне-бедняки и середняки.

На сельской площади в Ребрихе гудел волостной сход.

Его организаторы — белогвардейцы — до хрипоты расхваливали восстановленное земство.

Как ни кричали, а остались в проигрыше.

Волостной сход решительно постановил: «Власть как Временного правительства, а также и земства не признавать, а признавать единственную власть Советов».

Крестьяне села Шубенки, Бийского уезда, на сходе решили:

«...воздержаться от каких-либо решений и действий по поводу поддержки Временного сибирского правительства».

К исходу лета 1918 года на сборные пункты потянулись вереницы новобранцев. К ногам белогвардейских офицеров, как золотое руно, падали сбритые под корень чубы крестьянских парней. Правительству требовалась армия для похода на Советскую Россию и поддержания «порядка» в «Сибирской автономии».

Весть о мобилизации в белогвардейскую армию черной птицей пролетела по Славгородскому уезду.

А вслед за тем — строгий приказ генерала Гришина-Алмазова о расстреле на месте всех, кто уклоняется от призыва.

Угроза не возымела предполагаемого воздействия.

Много более, чем наполовину население Славгородского уезда составляли *переселенцы. Вчерашние хлеборобы Украины и Поволжья, Центральной России, а с ними и коренные жители не хотели отдавать своих сыновей в армию. В памяти не стерлись воспоминания о черных днях минувшей войны.

И тут на встречу первой — вторая весть, уже в защиту крестьян.

«Новобранцев в город Славгород белым не давать, а требовать от Славгородского уездного воинского начальника обмундирование и снаряжение на места».

То был смелый голос большевистского подполья Славгорода и села Черный Дол (Архангельского) — в 8 верстах от города.

Подполье возникло сразу же после свержения Советской власти.

Его организаторами были смелые люди: бывшие члены Славгородского уездного Совета, питерские рабочие-большевики Е. А. Кононов, М. Г. Светлов-Топтыгин, местные крестьяне-большевики, бывшие фронтовики — Р. Г. Буряк, П. И. Фесенко, С. С. Толстых, И. И. Романенко и другие.

М. К. Казаков

И. И. Романенко

В Черном Доле прочно и надолго застряли обозы с новобранцами из Сосновской, Самарской, Хорошевской волостей.

Дерзкое неповинование тысяч крестьянских парней взбесило начальника Славгородского гарнизона Киржаева.

28 августа 1918 года в Чёрный Дол пожаловал отряд офицеров. Прикатили, как на парад, в пролетках.

— Приказываю новобранцам немедленно отправиться на сборные пункты в Славгород!

Грозный голос Киржаева растворился в мертвящей тишине.

Тогда раздался глухой, но четкий голос главы подпольного комитета большевиков Светлова-Топтыгина, сразу же дружно поддержаный сотнями других:

— От мобилизации отказываемся!..

— Ах так! Бунтовать? Сгною в тюрьме!

Свою угрозу Киржаев подкрепил арестом Светлова-Топтыгина и членов комитета Загрудного и Заровного.

Но обратный путь в Славгород был отрезан. Крестьяне потребовали освобождения арестованных.

Офицеры рассыпались в цепь. Затаращели выстрелы. Среди крестьян появились убитые и раненые. Прихватив с собой арестованных, офицерский отряд поспешил скрыться.

Членов Славгородского подполья Кононова, Минеева и других вместе с заложниками из Черного Дола ожидала смертная казнь. Но события опередили и опрокинули замыслы обозлившегося белогвардейского офицерья.

Большевики, обреченные на смерть, и в тюремном застенке не потеряли связей с внешним миром. Через связного они заручились поддержкой чернодольских крестьян в случае, если поднимут восстание в тюрьме.

А в Черном Доле продолжала кипеть крестьянская масса. Члены подпольного комитета, оставшиеся на воле, бросили клич в близлежащие села о наступлении на Славгород.

Под знамена восстания валил густой людской поток. Кто приходил с винтовкой или дробовиком. Иные приносили ручные гранаты и револьверы. Больше же стекалось таких, чьи мозолистые руки крепко сжимали вилы и топоры.

Более тысячи повстанцев, разделенных на группы, в ночь на 2 сентября 1918 года двинулись из Черного Дола.

А в это время свыше ста политзаключенных тюрьмы подняли восстание, убрали стражу. На помощь спешили рабочие Славгорода.

Вместе с отрядом чернодольцев под командой Фесенко славгородцы захватили оружейный склад. В этот раз офицерский отряд не ушел от возмездия — был истреблен поголовно. Убит и городской голова Фрей — самый ярый противник Советской власти. Лишь Киржаеву с начальником станции удалось удрать на паровозе в направлении станции Татарки.

К 6 часам утра 2 сентября 1918 года Славгород был очищен от белогвардейцев.

Рожденный победоносным Славгородско-Чернодольским восстанием уездный военно-революционный штаб всю власть взял в свои руки.

Штаб возглавил Фесенко, крестьянин поселка Андреевки, Топтыгин-Светлов, Кононов и другие.

Во многие города и населенные пункты Сибири полетели срочные телеграммы. Они извещали о восстановлении Советской власти в Славгороде.

Этим шагом штаб намеревался убить двух зайцев — расширить границы восстания, посеять панику в стане врага.

Неиссякаемым творчеством отмечалось каждое действие штаба. Ежечасно рождались горячие и страстные обращения к населению. Одно из них заканчивалось словами:

«Долой произвол белых банд! Да здравствуют Советы и мирный труд, в городе — рабочего, в деревне — хлебороба!»

Четкая политическая платформа восстания обеспечила приток в его ряды новых сторонников.

Создавались все новые и новые вооруженные отряды, тотчас избирались командиры.

Чтобы зажечь огонь восстания во всей Западной Сибири, штаб послал своих лучших представителей в Барнаул, Камень, Павлодар, Татарку и другие места.

4 сентября у станции Бурлы повстанцы одержали над врагом победу. Она окрылила. Чтобы закрепить завоевания восстания, штаб наметил на двенадцатое сентября созвать уездный съезд Советов.

Не на шутку всполошилось сибирское правительство. Наружу всплыл неприятный политический факт — за оружие взялся крестьянин-середняк, тот, который обычно в прежнее время жил по пословице: «Моя хата с краю, я ничего не знаю». Участие середняка объясняло массовость восстания.

С севера к Славгороду на приспущенных парах по-хищному пред-
усмотрительно подкрадывались поезда.

Всех, кто видел их, пугали страшные эмблемы, намалеванные на
стенах вагонов — череп с перекрестьем костей и надписью: «С нами бог
и атаман Анненков».

Карьера непревзойденного мастера смерти у казачьего атамана
брала начало в Кулундинской степи.

Отчаянно дрались повстанцы у разъезда Гусиная Ляга. Но пулеметы и пушки, превосходство в живой силе помогли Анненкову смять
слабо вооруженных и плохо организованных повстанцев.

Смертью храбрых пал душа восстания Фесенко.

Толпы повстанцев, истративших патроны, уходили через степь к Ку-
лундинскому бору.

Каратели ворвались в село Черный Дол.

Первым запыпало здание, где размещался военно-революционный
штаб.

В пламени пожара блестели клинки карателей, обильными потоками
лилась невинная кровь стариков, женщин и детей. Дотла спорело
село.

Огню и мечу предали каратели Славгород.

В исступлении, по колено в крови, бегали в поисках жертв по его
улицам.

Только в первый день своего хэзяйничанья каратели зарубили в
Славгороде 400, а всего около 2 тысяч человек.

За пивоваренным заводом Славгорода вершили свои черные дела.
Это место стало лобным.

Весть о поражении восстания приостановила подготовку к восста-
нию в других местах Алтая.

Телеграф уносил по проводам в Омск слова победного рапорта
головореза Анненкова.

Было неприятно в осенней Кулунде в тот год. Блекли краски в
природе. Злой ветер гнал по степи густые запахи крови.

Но пламя Славгородско-Чернодольского восстания не погасло, а
спряталось глубоко под землей, чтобы позже вырваться на волю
и родить пожар народной войны против угнетателей на Алтае.

В селе Вострово, Славгородского уезда, хоронили погибшего в бою
Михаила Трусова, командира Семипалатинской красногвардейской
роты. Короткие прощальные речи звучали клятвами.

Говорили не одни красногвардейцы-суховцы. У гроба — крестья-
нин, роста повыше среднего, годами за тридцать. Худоба резко очер-

тила лицо. Стояла июльская жара, а крестьянин ехался от ознона — совсем недавно перенес тяжкий недуг — воспаление легких.

Почти беззвучно шевелились красивые, по-женски припухшие губы.

Крестьяне Вострово и окрестных сел сдержаным шушуканьем подбадривали своего:

— Погромче... Чтобы всем слышно было...

Внутреннее волнение вконец обезоружило оратора. Смолякшии и тем обескураженный отошел в сторонку.

То был востровский житель Ефим Мефодьевич Мамонтов. Кто знает, быть может, именно в эти минуты скорби и гнева в нем начинался прославленный вожак красных партизан Алтая...

Крепкое подполье родилось в Вострово и Солоновке летом 1918 года. Его душой стали большевики: Прилепа — бывший матрос и председатель Востровского сельсовета, Гребнев, Копань; беспартийные: Мамонтов, Чеканов, братья Константиновы и другие. В подполье приходили позже люди и из других сел (Шумейко и Юров из Селиверстово, Толоконников из Волчихи и др.).

Оно быстро росло.

Зимой 1918—1919 года в районе действия подпольщиков появился тамбовский заводчик Уваров. Внушительная внешность, богатая одежда располагали к нему колчаковцев и местных кулаков.

Никому и невдомек, что под видом прожженного дельца и стяжателя по селам странствовал большевик Игнатий Владимирович Громов (Мамонов), в прошлом председатель Каменского уездного Совета.

«Заводчик» вскорости напал на след большевистского подполья и стал активнейшим участником его.

Подпольщики сколотили небольшой партизанский отряд. Командиром избрали Мамонтова, заместителем — Громова, начальником штаба — Прилепу, комиссаром — Копаня.

Время и обстановка требовали активных действий.

В феврале 1919 года отряд скрестил оружие с карателями в Селиверстово. Одновременно в трех местах открыли огонь партизаны. В короткой схватке уложили капитана Трифонова, колчаковских агентов Курчина и местного лесничего. Достались и драгоценные трофеи — винтовки, револьверы, патроны. Успеху помогла находчивость.

Первая победная ласточка обязывала ко многому. Теперь партизаны попали в поле зрения колчаковцев. И тем не менее не испугались. Напротив, родилась вера в самих себя и, самое главное, — в коман-

Е. М. Мамонтов

дира. Ведь львиная доля в успехе операции принадлежала его храбрости, решительности и боевой смекалке. Это он предложил партизанам перед вылазкой вырядиться колчаковскими солдатами.

Да, иным теперь выглядел в глазах товарищей неохочий до красного слова Ефим Мамонтов!

А боевые схватки становились обыденными явлениями...

В Вострово с вооруженным отрядом пожаловал начальник Волчихинской волостной милиции капитан Катран Кашмарышкин. Визит «хозяина» волости явился неожиданностью. По доносу кулаков капитан приказал оцепить дом, в котором находились три партизана.

Драться одному против десятка — дело нелегкое. И все же партизаны не дрогнули. Их выстрелы повалили в снег несколько колчаковцев. Но сила брала верх. Вражеская пуля выбила глаз Копаню. В руку ранен Прилепа. На исходе патроны. Близок и конец, казавшийся теперь неотвратимым.

И вдруг где-то за огородными пряслами слабо хрустнули выстрелы. Они оказались спасительными для осажденных. На помощь спешил Мамонтов. Первым от его пули рухнул Кашмарышкин. Та же участь постигла милиционеров, в немалом числе. Уцелевшие постыдно бежали.

Во двор заскочили партизаны. Всего пять человек. В руках Мамонтова — винтовка. Еще курилась теплым дымком...

После того часто на глухой зaimке, что поодаль Селиверстово, слышались выстрелы. Проходил «бой» без противника — партизаны Мамонтова проверяли исправность оружия и тренировались в меткости стрельбы.

А потом, в апреле 1919 года, стало известно, что в Волчихинской тюрьме 32 политических заключенных ожидает расправа и неминуемая смерть.

Требовалось спешить.

Посовещались партизаны и послали в Волчиху всего 17 человек. Сам Мамонтов — офицером. Остальные — колчаковскими солдатами и пленниками-крестьянами со скрученными руками.

Ночью беспрепятственно проникли в тюрьму. Бурный разнос за плохое несение караульной службы возымел должное воздействие. Навытяжку стояла стража перед грозным «офицером».

И вдруг самое непредвиденное и неожиданное для стражников — команда офицера сложить оружие и открыть камеры. Сопротивление бесполезно. Каждое движение стерегли черные глаза винтовок прибывшего с офицером «конвоя».

Заключенные вышли на волю. Пополнился партизанский отряд Мамонтова. Неслыханная дерзость партизанской вылазки уподобилась

пощечине.. Завопили колчаковские власти — волостные, уездные, губернские. В агентурных сводках, на страницах газет запестрила фамилия: «Мамонтов».

По проселкам гулко застучали конские копыта. Колчаковцы извелись в тщетных попытках зажать партизан в кольцо. Те не только ускользали, но и зло огрызались.

В огне боев рождалась и умножалась популярность Ефима Мамонтова. Не только как боевого командира, но друга и защитника крестьянской бедноты.

Летняя ярмарка 1919 года в селе Вознесенском по многолюдью и обилию товаров не шла в сравнение с предыдущими. Съехались мелкие и крупные торгаши из окрестных и отдаленных сел. В торговых рядах — неумолчный, деловой шум и гам.

Внезапно бойкий ритм ярмарки нарушил чей-то истошный крик: «Партизаны!»

Страх перекосил лица сельских толстосумов, придал прыти. Они поспешно разбегались в разные стороны. Хозяевами брошенных товаров стали конники Мамонтова и благоразумно распорядились ими: часть пошла на нужды партизанского отряда, другая — вознесенской бедноте.

Нетрудно понять политическое значение такого акта. Сотни новых активных сторонников, симпатии тысяч людей приобрели партизаны...

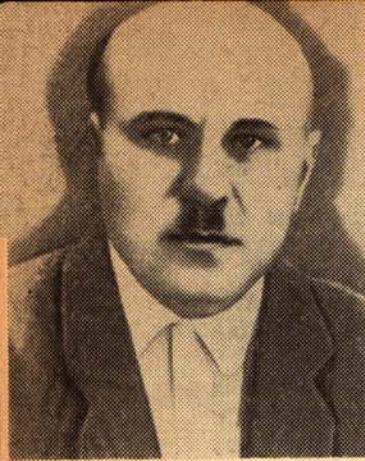
События одно другого грандиознее развертывались с поразительной силой и быстротой.

Еще в тяжелые зимние месяцы Мамонтов и Громов взаимно поклялись в верности борьбе за Советскую власть. В знак дружбы поменялись оружием, крепко обнялись. Весной 1919 года Громов отковал в Каменский уезд и с помощью местных большевиков сколотил крепкий партизанский отряд.

Летом, как только петля вооруженной блокады колчаковцев грозила захлестнуть один из партизанских отрядов, другой совершил дерзкие вылазки. Колчаковцы распыляли свои силы, не добивались поставленной цели.

Дружба двух партизанских командиров выходила далеко за личные рамки. Взаимодействие стало боевым девизом. Под начало Мамонтова и Громова тянулись все, кто тайл недовольство колчаковщиной.

На исходе августа 1919 года у села Мельниково наблюдалось необычное зрелище. На луговине пылали сотни костров. Далеко прочь отступала ночная темнота. Дрожащий отблеск костров освещал многие сотни вооруженных людей, застывших в шеренгах. На правом фланге конники Мамонтова, на левом — пешие. Пеших — около двух тысяч.

И. В. Громов

Они пришли сюда из Алейских степей, от села Зимино. Потому их и звали алейцами. В пути они выдержали не один бой.

Перед строем — кавалерист на доброй верховой лошади. Сидит плотно, будто в одно слился с седлом. Конники не скрывали восхищенных взглядов при виде молодцеватого всадника. Ведь его, Ефима Мамонтова, избрали главнокомандующим объединенным отрядом, да и не просто отрядом, а партизанской Красной Армией Алтайского округа. Избрали и штаб — Главный штаб Алтайского округа.

Во главе алейцев пришли стойкие большевики Ивкин, Конкорин, Кольцов и другие. Они стали членами Главного штаба и сейчас тоже стояли перед строем.

Среди них и Федор Архипов, в прошлом сельский учитель — большевик и прaporщик, теперь начальник Главного штаба.

После смотров у костров всю ночь не смолкало радостное оживление.

8 сентября 1919 года в село Мельниково вошел батальон колчаковских егерей полковника Окунева. Каратели шли с верой в легкую победу над партизанами. Улицы села содрогала чеканная поступь солдатского строя. Далеко за окопицу летели слова бравурного призыва известной песни: «Лучше б было не ходить!..»

В слова вплетался залихватский свист.

Бесельчаки егери со спокойной душой расположились на ночлег — их сон охраняли пулеметные посты за селом.

Безмятежную тишину ночи внезапно нарушила винтовочная пальба и треск пулеметов, ставших боевыми трофеями партизан. Победное партизанское «ура!» катилось сразу с трех сторон. Самонадеянное колчаковское воинство бросилось наутек в единственный проход между озерами. Тогда заговорила партизанская засада на дороге.

Пули замертво укладывали егерей на жесткую от заморозка землю. В числе немногих, кому посчастливилось избежать партизанского возмездия, был сам полковник Окунев. Удрал в кальсонах, с сапогом на одной ноге.

Несколько часов назад колчаковцам и в голову не приходило, что слова их лихой песенки окажутся печальным пророчеством.

Четыреста колчаковских молодчиков после короткой истребительной схватки познали партизанский плен.

Шесть пулеметов, сотни винтовок, обоз боеприпасов достались победителям.

Партизанская сила, рожденная на мельниковской луговине, с честью выдержала первое испытание боем. Для партизан становилось очевидным, какую всесокрушающую силу таит в себе объединение отрядов.

Неделю спустя после Мельниково заиграли на ветру красные стяги партизанской победы на станции Рубцовка. Внезапность партизанского удара и паника, рожденная им, разметали по степи превосходящие силы колчаковцев. Недолго пробыли партизаны на станции, а приобрели многое. В их руки попали крупные запасы продовольствия и товаров. Здесь к партизанам пришли Яков Жигалин, позже начальник штаба партизан Степного Алтая, большевик из Новониколаевска Бобра.

Игнатий Громов успешно действовал в Каменском уезде. В селах у него были надежные и верные помощники: большевики Аркадий Данилов, Иван Маздрин, Николай Булыгин, беспартийный Захар Воронов (Трутнов) и другие.

Громовцы держали постоянную связь с каменским подпольным комитетом большевиков во главе с Иваном Каржаевым.

Партизанский отряд Громова рос с каждым днем. Пришло время дать заявку о себе.

И вот Громов задумал дерзкую вылазку в стан врага. Для этого отобрал всего 123 хорошо вооруженных партизана-кавалериста.

В ночь с 28 на 29 июля 1919 года колчаковцев всполошила стрельба в разных местах Камня. То действовали громовцы, решительно и внезапно. Четыре часа вели бой и только на рассвете стали отходить, чтобы скрыть от противника свои настоящие силы.

Лишь некоторая несогласованность между местным подпольным комитетом большевиков и партизанами спасла колчаковцев от полного разгрома. И тем не менее три сотни колчаковских солдат и офицеров полегли на улицах Камня. Среди них оказался белопольский полковник, командир полка.

Весть о партизанской вылазке взбудоражила окрестные села.

Когда совсем рассвело, над трактовыми дорогами, которые вели в Камень, повисли плотные завесы пыли — признак движения людской массы. И действительно, около десяти тысяч крестьян, вооруженных чем попало, с разных сторон двигались на помощь партизанам. Их вели за собой Маздрин, Воронов, Парамонов, Федоров и другие вожаки.

Громов немедленно повернулся на Камень. «Силу несусветную» при-

метили и колчаковцы. Вкупе с каменской буржуазией они поспешно и трусливо покидали город.

Никогда каменская пристань не видела такого большого количества желающих совершить «путешествие» по Оби. «Пассажиры» буквально дрались за места на пароходах.

Тем временем в город вошли новые хозяева, спасли от гибели многие сотни людей.

Тотчас повстанцы и городские рабочие провели митинг, избрали ревком, которому, однако, не удалось провести первого заседания. Изгнанные колчаковцы, получив мощное подкрепление на нескольких пароходах из Барнаула и Новониколаевска, воспрянули духом, устремились на Камень.

Повстанцы покинули город организованно. А вместе с ними ушло свыше пятисот рабочих, военнопленных венгров и политических заключенных каменской тюрьмы. Именно в этот момент к партизанам пришел Макс Ламберг, венгр, впоследствии прославленный своим бесстрашием и находчивостью командир интернациональной роты.

Весело поскрипывали вереницы тяжелогруженых крестьянских телег. Они везли трофеи: пятьсот винтовок, боеприпасы, тюки мануфактуры, кипы кож, сахар, медикаменты и многое другое.

Лавина повстанцев остановилась в Ярках. Свидетелем небывалого зрелища стало это село.

Улицы до отказа забиты народом — не протолкнешься. Многоголосый гул уносился далеко за окопицу. Там неустанно бодрствовали партизанские патрули.

На сельской площади — собрание. Звучали речи ораторов, корявые и неумелые, но от души.

На подмостках — высокий и худощавый мужчина в гимнастерке, по-военному подтянутый. Говорил свободно и уверенно, лишь слегка картивал.

— В бою за город Камень партизаны товарища Громова одержали важную победу. Захвачены богатые трофеи, выпущены на волю политические заключенные. Разгорается пожар народной войны против Колчака...

Притихшее было собрание настороженно зашепталось, зашушукало:

— Кто таков?

— Сыплет, как по писаному...

Между тем оратор продолжал:

— Путь к победе — в организованности. В районах, освобожденных вами от колчаковцев, надо создать органы революционной власти — Главный военно-революционный штаб Алтайской губернии, а

также районные штабы, волостные и сельские Советы. Начальником главного штаба предлагаю товарища Воронова-Трунгтова Захара Семеновича, местного крестьянина, хорошо известного вам...

Последние слова захлестнули выкрики собравшихся.

— Пра-а-а-вильно!

— Захара в штаб!

После этого заговорил Громов.

— Только что мы слушали посланца Томского подпольного комитета большевиков товарища Голикова Петра Клавдиевича, человека крепкой революционной закалки. Он — рабочий-печатник, большевик с 1913 года. Был председателем Томского гарнизонного Совета, членом губисполкома. Воевал против атамана Семенова начальником штаба у Сергея Лазо, командовал Байкальским фронтом Красной Гвардии, поднимал на восстание шахтеров в Кольчугино. Предлагаю товарища Голикова заместителем начальника Главного штаба...

— Ого-го! Эвона каков!

— В заместители его!

— Пра-а-а-вильно!..

На другой день родилось и полетело в села Каменского уезда возвывание:

«Товарищи братья! Деспотическому, кровавому правительству приходит конец... трудовое население Сибири повсюду восстает против своих угнетателей... Главный штаб торжественно обещает всему трудовому населению Алтайской и смежных губерний, что его главной целью является восстановление истинно народной Советской власти. Все к оружию! Все на борьбу!..»

Обещания и призывы подкреплялись действиями по расширению Советской власти. На местах создавались свои органы власти — районные военно-революционные штабы, волостные и сельские Советы с военными комиссарами при них.

Популярность вооруженной борьбы против колчаковщины росла. Родился партизанский отряд Громова. После памятного митинга в Ярках он не раз скрещивал оружие с колчаковцами и выходил победителем.

В селе Парамоновском три дня продолжался упорный бой. Колчаковцы почти втрое превосходили по численности партизан. В боеная фортуна, однако, склонилась в пользу последних.

С большими потерями колчаковцы удрали с поля боя. В селе Нижне-Пайвино они соединились с большим отрядом, идущим из Славгорода.

Предстоял неравный бой. Противник имел 900 солдат и офицеров, 12 пулеметов и орудие.

метили и колчаковцы. В купе с каменской буржуазией они поспешно и грустиво покидали город.

Никогда каменская пристань не видела такого большого количества желающих совершить «путешествие» по Оби. «Пассажиры» буквально дрались за места на пароходах.

Тем временем в город вошли новые хозяева, спасли от гибели многие сотни людей.

Тотчас повстанцы и городские рабочие провели митинг, избрали ревком, которому, однако, не удалось провести первого заседания. Изгнанные колчаковцы, получив мощное подкрепление на нескольких пароходах из Барнаула и Новониколаевска, воспрянули духом, устроились на Камень.

Повстанцы покинули город организованно. А вместе с ними ушло свыше пятисот рабочих, военнопленных венгров и политических заключенных каменской тюрьмы. Именно в этот момент к партизанам пришел Макс Ламберг, венгр, впоследствии прославленный своим бесстрашием и находчивостью командир интернациональной роты.

Весело поскрипывали вереницы тяжелогруженых крестьянских телег. Они везли трофеи: пятьсот винтовок, боеприпасы, тюки мануфактуры, кипы кож, сахар, медикаменты и многое другое.

Лавина повстанцев остановилась в Ярках. Свидетелем небывалого зрелища стало это село.

Улицы до отказа забиты народом — не протолкнешься. Многоголосый гул уносился далеко за окопицу. Там неустанно бодрствовали партизанские патрули.

На сельской площади — собрание. Звучали речи ораторов, корявые и неумелые, но от души.

На подмостках — высокий и худощавый мужчина в гимнастерке, по-военному подтянутый. Говорил свободно и уверенно, лишь слегка картилов.

— В бою за город Камень партизаны товарища Громова одержали важную победу. Захвачены богатые трофеи, выпущены на волю политические заключенные. Разгорается пожар народной войны против Колчака...

Притихшее было собрание настороженно зашепталось, зашушукало:

— Кто таков?

— Сыплет, как по писаному...

Между тем оратор продолжал:

— Путь к победе — в организованности. В районах, освобожденных вами от колчаковцев, надо создать органы революционной власти — Главный военно-революционный штаб Алтайской губернии, а

также районные штабы, волостные и сельские Советы. Начальником главного штаба предлагаю товарища Воронова-Трунгова Захара Семёновича, местного крестьянина, хорошо известного вам...

Последние слова захлестнули выкрики собравшихся.

— Пра-а-вильно!

— Захара в штаб!

После этого заговорил Громов.

— Только что мы слушали посланца Томского подпольного комитета большевиков товарища Голикова Петра Клавдиевича, человека крепкой революционной закалки. Он — рабочий-печатник, большевик с 1913 года. Был председателем Томского гарнизонного Совета, членом губисполкома. Воевал против атамана Семенова начальником штаба у Сергея Лазо, командовал Байкальским фронтом Красной Гвардии, поднимал на восстание шахтеров в Кольчугино. Предлагаю товарища Голикова заместителем начальника Главного штаба...

— Отого! Эвона каков!

— В заместители его!

— Пра-а-вильно!..

На другой день родилось и полетело в села Каменского уезда возвывание:

«Товарищи братья! Дееспотическому, кровавому правительству приходит конец... трудовое население Сибири повсюду восстаёт против своих угнетателей... Главный штаб торжественно обещает всему трудовому населению Алтайской и смежных губерний, что его главной целью является восстановление истинно народной Советской власти. Все к оружию! Все на борьбу!..»

Обещания и призывы подкреплялись действиями по расширению Советской власти. На местах создавались свои органы власти — районные военно-революционные штабы, волостные и сельские Советы с военными комиссарами при них.

Популярность вооруженной борьбы против колчаковщины росла. Род и партизанский отряд Громова. После памятного митинга в Ярках он не раз скрещивал оружие с колчаковцами и выходил победителем.

В селе Парамоновском три дня продолжался упорный бой. Колчаковцы почти втрое превосходили по численности партизан. Военная фортуна, однако, склонилась в пользу последних.

С большими потерями колчаковцы удрали с поля боя. В селе Нижне-Пайвино они соединились с большим отрядом, идущим из Славгорода.

Предстоял неравный бой. Противник имел 900 солдат и офицеров, 12 пулеметов и орудие.

Накануне грозного испытания Игнатий Громов прямо и честно заявил партизанам:

— Кто плохо себя чувствует, трусит или с неохотой принимает участие в боях, тот пусть сдаст оружие и идет домой убирать хлеб...

Отсеялись немногие, зато отряд стал крепче, боеспособнее.

Партизаны имели всего один пулемет «Кольт» (подарок Мамонтова) с небольшим запасом лент. Правда, был у них и «Максим» — творение партизана Ивана Рыжова, в прошлом питерского рабочего. При вращении за рукоятку внутри жестяного кожуха стальной прут с силой бил по зубьям шестерни. Получалось звуковое подобие пулеметной очереди. Фактическая же огневая мощь «пулемета» определялась числом винтовок приданого «расчета».

Пять часов длился Нижне-Пайвинский бой. Часто дело доходило до рукопашных схваток. Колчаковцы не выдержали дружного натиска партизан. Бежали, бросая оружие.

Среди победителей трудно выделить самых отважных и стойких. Все сражались отменно. Но и при этом командир Громов отметил мужество венгров-интернационалистов Макса Ламберга.

Подобный исход имел и ночной бой в селе Телеутском. Разгромленный батальон Новониколаевского колчаковского запасного полка «великодушно» подарил партизанам свое оружие и даже партию пленных.

Коммунист Громов оставался верен данной клятве. Действия его отряда неизменно расширяли территорию Советского района в глубоком тылу Колчака.

В 1918 году в селе Локоть, Змеиногорского уезда, питерские рабочие, посланные в Сибирь партией, организовали коммуну «Наш путь». Рабочие-питерцы принесли в необжитую степь зачатки коммунистического труда, рабочую смекалку.

Было трудно. Каждый шаг коммунаров равнялся подвигу. Однако дела у первых целинников, на диво местным крестьянам, шли не так уж и плохо.

Но собрать первый урожай не удалось: помешал контрреволюционный переворот.

Спасаясь от преследований, разбегались коммунары. Появились они в селе Зимино Барнаульского уезда. Здесь жил брат коммунара Гавриила Семеновича Ивкина.

Питерцы зорко присматривались к крестьянам. Что ни день, то отчетливее улавливали растущее недовольство контрреволюционным

режимом. Почва для создания подпольной большевистской организации — самая благодатная. И такая организация появилась на свет уже в ноябре 1918 года, с приходом к власти военного диктатора Колчака. Ее возглавил Г. С. Ивкин, коммунист с 1908 года, рабочий-путиновец.

Стояла лютая зима. Глухими морозными или вьюжными ночами где-нибудь на окраине Зимино в заснеженных избах тускло светились огоньки. Подпольщики не теряли времени даром. Жарким словом подогревали чувство ненависти крестьян к колчаковщине. И небезуспешно. Местные крестьяне В. К. Жогов, И. К. Хохлов, И. И. Царев, И. И. Ефремов, И. И. Васюков и другие стали активными членами организации.

Подпольщики не отсиживались в Зимино. Во многих селах, даже в далекой Усть-Мосихе, зиминцы сколачивали подпольные организации и готовили народ к вооруженному восстанию.

Так возникли подпольные организации в Усть-Пристани, Большой Речке, Легостаево (Володарке), Колпаково, Безголосово, Панюшаево, Брусянцево, Боровском и многих других селах.

Зимино становилось руководящим партийным центром крупного Приобско-Алейского района, держало постоянную связь с барнаульским подпольем.

Колчаковские власти душили алтайскую деревню налогами, с сорами недоимок за прошлые годы, мобилизациями в армию.

Сопротивлялась деревня, как могла. Не платила налогов и по-датей. Крестьянские парни убегали из колчаковской армии.

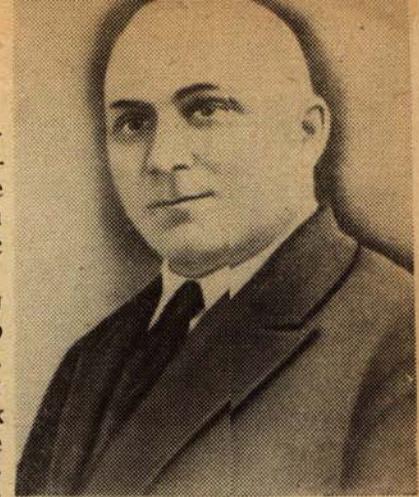
С пятью товарищами дезертировал Павел Чаузов. В селе Большая Речка (Чаузово) он создал летучий партизанский отряд, стал активным членом подпольной Зиминской организации.

В Зимино дезертировал прaporщик, сельский учитель Федор Иванович Архипов и сразу же вступил в ряды большевиков.

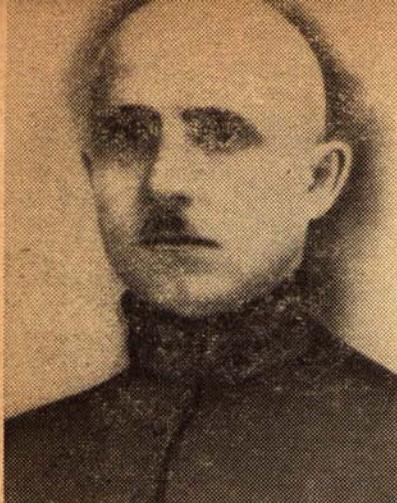
Постепенно зиминские подпольщики укрепляли организацию. Привели несколько районных съездов. Приняли немогословное решение о подготовке вооруженного восстания.

События ускорили реализацию этого решения.

1 августа 1919 года каратели прaporщика Абрамова устроили публичную порку на площади в Зимино. Пороли без разбору — малых и старых, женщин в надежде выведать, где скрываются большевизики.

Г. С. Ивкин

Ф. И. Архипов

дезертиры. На площади гробовое молчание. Из уст истязуемых — стоны и проклятия и ни единого предательского выкрика.

Дикая расправа подлила масла в огонь. На другой день в Зимино ворвалась кучка повстанцев во главе с Чаузовым и Брусенцевым.

Прапорщик Абрамов поспешил бежать. Зимино не узнать. Там, где вчера вершилась экзекуция, взмыл красный флаг победы. Клокотал людской котел. В улыбках расцвели лица людей, пришедших на митинг.

Говорили ораторы Архипов, Чаузов и другие. Их призывы пополнить ряды повстанцев находили горячий отклик в сердцах людей.

К исходу дня многочисленный отряд зиминцев изгнал колчаковцев из Чистюньки.

Вечером того же дня на заседании Зиминской подпольной организации родился орган революционной власти народа — Главный военно-революционный штаб Алтайского округа. Его начальником избрали Ф. И. Архипова, командующим революционными силами — К. Н. Бруsenцева.

При штабе создались отделы: военный (Архипов, И. И. Царев, В. Е. Семенихин), хозяйственный (В. К. Жогов), следственная комиссия (Г. С. Ивкин), казначейство (И. И. Васюков).

С первого же дня жизни штаба издавался его печатный ежедневный орган «Известия».

События обгоняли друг друга. В ночь на 4 августа в восставшей Усть-Алейке нашел бесславный конец прапорщик Абрамов с остатками своего отряда.

Никогда ранее волна народного гнева на Алтае не набирала такой силы. «Известия» едва успевали сообщать о восставших селах. 4 августа их насчитывалось 36, а спустя восемь дней — 100.

Огонь народного восстания бушевал на громадной территории в 40 тысяч квадратных верст — от предгорных казачьих станиц до сел в предместьях Барнаула.

Огнестрельное оружие — редкость у повстанцев.

Мелодичный перезвон кузнечных молотов плыл над селами. Вместо винтовок повстанцы брали в руки не успевшие остыть от кузнечного тепла пики.

Главный штаб для руководства восстанием создал семь районных отделений. 13 августа на съезде 36 сел Барнаульского и Бийского уездов прозвучала проникновенная речь Гавриила Ивкина.

В ответных словах делегаты горячо благодарили Главный штаб за руководство восстанием, единодушно голосовали за распуск земств, создание Советов, за созыв 22 августа съезда уездных, волостных и сельских Советов.

Колчаковские власти забили тревогу. В спешном порядке в район восстания перебрасывались крупные группировки карателей полковника Хмелевского, Полякова, Окунева, капитан Харченко, головорезы — голубые уланы Анненкова.

Пушкам и пулеметам карателей повстанцы могли противопоставить лишь высокий революционный героизм. Ареной ожесточенных боев стали села. Некоторые по несколько раз переходили из рук в руки.

И все же кольцо вооруженной блокады неумолимо сжималось вокруг повстанцев.

Главный штаб, чтобы сохранить живую силу, принял разумное решение о распуске по домам повстанческих отрядов, не имевших оружия.

Три тысячи зиминцев (алейцев), сведенные в один отряд, продолжали борьбу. Они выдержали несколько боев. На вооружении же имели всего 280 винтовок, один пулемет и несколько самодельных пушек.

Последний бой повстанцы провели успешно. Полковник Окунев предвкушал победу, а оказалсябитым и ушел на станцию Шипуново — для пополнения.

В рядах повстанцев все чаще раздавались предложения:

— К Мамонтову на соединение. Легче будет!

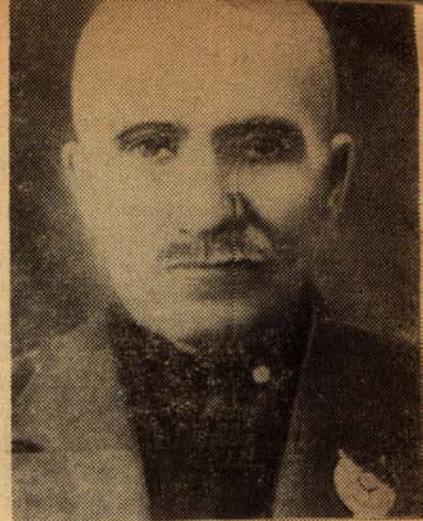
Предложения совпадали с планом Главного штаба. Зиминские повстанцы встретились с партизанами Мамонтова на луговине у села Мельниково...

Вместе с Голиковым в отряд Громова пришли томские большевики К. А. Калачева, Ф. Г. Гужов, М. К. Голикова, А. А. Калачев.

Они усилили Главный военно-революционный штаб Алтайской губернии. Некоторые вошли в оргкомиссию по подготовке съезда Советов на повстанческой территории. Всю работу комиссии возглавил П. К. Голиков.

— Надо создать единый орган Советской власти на повстанческой территории — Западно-Сибирский областной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

— Почему Западно-Сибирский? — спрашивали члены Главного штаба.

К. Н. Брусенцев

— Потому, — ответил Голиков, — что мы должны расплескать волну народного восстания на всю Западную Сибирь и везде восстановить Советы...

Само название будущего органа Советской власти обязывало его создателей — трудящихся — к активным наступательным действиям.

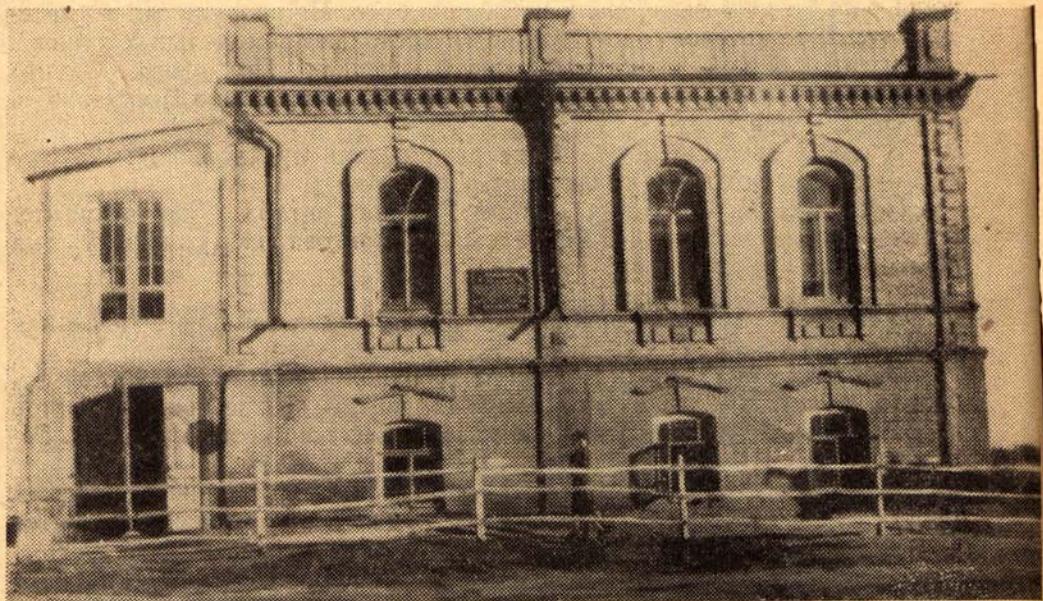
Вскоре в районные штабы полетело предписание Главного штаба. В нем предлагалось произвести выборы депутатов от селений на областной съезд Советов по норме один депутат от селений в 500 дворов, два — от селений выше 500 дворов. Каждый депутат должен иметь наказ от сельского схода.

Попытки колчаковской контрразведки предотвратить созыв съезда успехов не имели. Оргкомиссия соблюдала строжайшую конспирацию.

Даже о месте съезда депутаты узнавали лишь при получении мандатов в районных штабах...

Село Леньки считалось бойким торговым центром. Недаром здесь

Дом кредитного товарищества в Леньках, где 9 сентября 1919 года проходил съезд представителей повстанческих районов в тылу Колчака, избравший Западно-Сибирский областной исполком Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов

обосновалось кредитное товарищество. Дом его — кирпичный и двухэтажный, с легким парапетом по крыше, с пиластрами и зубчатыми карнизами по стенам выглядел на сельском фоне внушительно и солидно.

С самого утра 9 сентября 1919 года в Леньках небывалое оживление и многолюдие. Сюда съехались свыше 400 делегатов областного съезда Советов. Дом кредитного товарищества гостеприимно распахнул свои двери.

Ровно в двенадцать дня со щеки в зале — наспех сколоченных и обширных деревянных подмостков — торжественно прозвучал голос Голикова:

— Товарищи! От имени Главного военно-революционного штаба Алтайской губернии разрешите считать открытым съезд крестьянских делегатов, восставших против власти Колчака!

Когда-то толстые кирпичные стены дома слышали лишь размеренные деловые разговоры. Теперь их потрясли шквалы приветственных возгласов, аплодисментов. Мелко дребезжали оконные стекла, колыхались красные стяги и транспаранты.

Шум вырвался из раскрытых дверей. Его жадно ловили в густых толпах людей за стенами здания.

При выборах президиума съезда зал закипел с новой силой. Со всех сторон неслось:

— Голикова! Воронова! Маздрина!..

Особую торжественность съезду придали проникновенные приветствия Главному штабу представителей Томской организации большевиков, боевых отрядов, отдельных селений.

Потом, перебросившись словами, члены президиума встали. Склонив голову, Голиков произнес скорбным голосом:

— Товарищи! Прошу почтить вставанием с мест память тех, кто пал в борьбе против Колчака, в борьбе за нашу родную Советскую власть...

Кто-то робко запел. Десятки других присоединились к нему. По залу поплыла торжественно-траурная мелодия:

Вы жертвою пали
В борьбе роковой...

Многие, не зная слов песни, подхватывали мотив. При всей не-стройности голосов в пении улавливалось главное — ритм биения сердец, родство сотен душ, чувство скорби и гнева.

И вдруг мелодию траурного марша смыла другая песня, зовущая на новые битвы, окрыляющая дух бойца. То была бессмертная «Маршальеза»...

Однинадцать вопросов рассмотрел съезд и принял резолюции по ним.

Четко звучала резолюция по текущему моменту:

«...Съезд, выявляя волю избирателей, выносит:

1. С властью буржуазии и ее армией бороться, напрягая все силы, до полной победы;

2. Восстановить в восставших местностях истинно народную власть, власть трудового народа — Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов...

3. На борьбу с буржуазией призвать все население, способное носить оружие.

Да здравствует Советская власть!..

Да здравствует Коммунистический интернационал!..

Неожиданно послышался стук железных колес по деревянному полу.

На самом краю сцены кто-то стремительно развернул хобот пулемета. По залу прокатился недоуменный шепот.

Улыбаясь, Голиков поднял руку:

— Без паники, товарищи! Пулемет этот — подарок Соловьевского штаба нашему. Об остальном расскажет товарищ Воронов.

Начальник Главного штаба был немногословен. Известил, что в переговорах достигнуто согласие Соловьевского штаба об объединении отрядов Мамонтова и Громова. Когда Воронов рассказал о победе партизан Мамонтова над егерями Окунева в Мельниково накануне съезда, посыпались острые шутки:

— С песнями колчаки входили в село, а удирали с изжеванными языками!

— Второй сапог полковника сюда бы напоказ принести, авось моду сняли бы партизаны!..

Добрые вести радовали участников съезда.

Дружно прошли выборы исполкома, который сокращенно назвали Облакомом.

В него вошло 14 человек: Голиков, Маздрин, Воронов, Клевцев, Калачева и другие. Председателем Облакома стал Голиков.

Время приближалось к полуночи. При красном свете керосиновых ламп по стенам скользили тени, уродливо длинные и черные.

Чувствовалась усталость делегатов, не привыкших к заседательству.

Ровно в двенадцать часов ночи 10 ноября, после заключительного слова Голикова, съезд закончил работу.

Днем запылили дороги из Леньков. Делегаты разъезжались по

родным селам. Покачиваясь в седлах или повозках, они твердили глубоко запавшие в душу слова возвзания съезда к населению:

«Товарищи, братья! Съезд... обращается ко всему населению с призывом к повсеместным восстаниям... Никто не даст нам счастья, если мы его не завоюем. Да здравствует власть Советов!»

Облаком горячо взялся за сложную работу...

Объединение партизанских отрядов Мамонтова и Громова обещало крупные военно-тактические выгоды.

Горячим сторонником объединения были начальник Главного штаба Алтайского округа Архипов и другие члены штаба — большевики. Их точку зрения разделял и Мамонтов.

Но в штабе находились другие люди — эсеры Полищук, Усырев и «комиссар» Романов-Богатырев.

— Зачем объединяться? — убеждали они Мамонтова и членов штаба. — Наши молодцы-партизаны дерутся лихо и вооружены лучше других. Сами одержим победу над врагом...

Эсеровское местничество тормозило развитие и организационное укрепление партизанского движения.

Против эсеров, инициатором объединения партизанских сил выступил в полном составе и Главный военно-революционный штаб Алтайской губернии.

Сентябрьским утром 1919 года у Солоновки повстречались начальники двух штабов Архипов и Воронов. Оба на верховых лошадях. Поздоровались, и Воронов заговорил:

— В гости пожаловал. И не просто — с предложением нашего штаба об объединении.

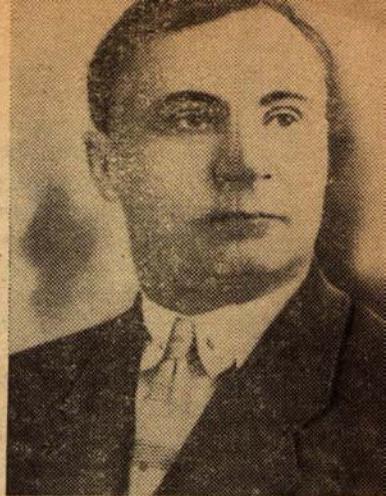
Архипов заметно оживился:

— И мы тоже о том не раз толковали, да кое-кто мешает. Загвоздка. А все же попытаемся договориться...

Навстречу катила пролетка. Чистокровный рысак красивой серой масти с яблоками легко ступал по пыльной дороге.

— Кстати и главком едет.

Поровнялись. Рядом с Мамонтовым Воронов увидел незнакомого человека с хмурым лицом. Широкий лоб тяжело давил на хмельные глаза. По красной ленте через плечо бежали корявые меловые буквы: «Комиссар всей армии».

И. П. Маздрин

Мамонтов громко поздоровался, приветливо пригласил Воронова:
— Лезь сюда, Захар! Почет и уважение гостю! С чем пожаловал?

Воронов сразу же выпалил о цели приезда. Комиссар стал еще пасмурнее. Всю недолгую дорогу до штаба хранил угрюмое молчание. Когда остановились, Архипов предложил:

— Отдохнули бы, Ефим Мефодьевич, после вчерашнего боя.

Мамонтов понимающе улыбнулся и согласно кивнул головой.

— И то верно. Пошли, комиссар, со мной...

Собралось заседание штаба. Воронов передал Архипову наказ своего штаба об объединении отряда под знаменем борьбы за Коммунистический интернационал, за Советскую власть.

— Решайте сами. К написанному в наказе ничего добавить не могу. А пока извиняйте...

Сказал и прислонился к натопленной печке. Утомленный дорогой и бессонницей, продрогший от холода, сразу же заснул.

Сторонники местничества без своего вожака-«комиссара» сдали позиции.

После короткого заседания Воронов поспешил на съезд в Леньки. Он вез с собой пулемет — подарок и постановление Солоновского штаба: «...Слиться главным штабам в один Главный штаб крестьянской Красной Армии Алтайского округа».

Но и при этом миссия Воронова не достигла цели. Романов-Богатырев со своими сторонниками зацепились за слова в постановлении «...оставить все действующие отряды на своих местах».

Местничество продолжало здравствовать.

Через несколько дней Громов и Мамонтов встретились в Солоновке как старые друзья. В откровенной беседе вспомнили зимнее подполье, не заметили, как вошли в бор.

— За объединение, Мефодьевич? — спросил Громов.

— Как же иначе драться? Помню, как выручал меня летом. Да и я вроде в долг не оставался. Так, ведь?

— Так, Мефодьевич, — согласился Громов.

— По рукам, значит?

— По рукам, Владимирович!..

29 сентября представители Облакома Голиков, Маздрин, Федулаев уже более определенно договорились об объединении.

7 октября 1919 года небольшое село Утиче принял необычных гостей. Здесь собрался военный совет командного состава двух партизанских отрядов, членов Облакома. Немногословное решение совета сводило партизанские отряды в крестьянскую Красную армию Западной Сибири, которая состояла из корпуса, разделенного на две дивизии по четыре полка в каждой.

Приказом по корпусу утверждался командный состав до команда-ра полка включительно. Главнокомандующим армией оставался Мамонтов, командиром корпуса — Громов, начальником штаба корпуса — Я. П. Жигалин. Мамонтов и Громов, две ведущие величины в партизанском движении на Алтае, были поставлены рядом на одну черту.

Восторжествовал курс большевиков на создание мощного партизанского кулака с единым и централизованным командованием. Эсерам пришлось отойти в сторонку.

Объединение оказалось своевременной мерой. Колчак объявил 18 уездов Западной Сибири на военном положении. Сюда двинулись многочисленные орды вооруженных до зубов головорезов-колчаковцев. Предстояли кровопролитные бои...

В Горном Алтае колчаковцы оставляли после себя густой кровавый след. В Улале они расстреляли 9 человек. В Теньге и Ябогане тоже 9 и еще 6 крестьян повесили.

Капитан Келлер в Онгудае провел в широких масштабах «профилактику» — безо всяких оснований выпорол плетьями десятки людей.

«Объявляйте колчаковщину свергнутой и присоединяйтесь к восставшим степным селам. Все на борьбу с врагами, за власть Советов!»

Набатом колокола прозвучал этот призыв Зиминского повстанческого штаба в селениях Горного Алтая.

15 августа 1919 года вспыхнуло восстание в Куягане, Барагаше, перебросилось на притрактовые села Чергу, Улалу, Теньгу, Ябоган, несколько позже в самую горную глухомань — Абай, Уймон, Катанду.

Появились и здесь талантливые организаторы и вожаки восставших.

В Белом Ануе, например, большевик Константинов собрал под знамена восстания триста человек. В селе Камышенке успешно действовал большевик Ряполов. Он организовал сельский штаб и отряд при нем в триста пятьдесят человек.

В селах Демино и Куяган бывший фронтовик Кокорин сформировал крепкий партизанский отряд, а в Малом Бащелаке — Никифоров, участник двух войн, русско-японской и империалистической...

Операции по «наведению порядка» каратели начали с Белого Ануя. В конце августа 1919 года полковник Хмелевский привел сюда 700 головорезов со станковыми и ручными пулеметами.

Партизаны отступили из села. А ночью каратели сполна расплатились за овладевшее ими чувство гордой самонадеянности победителей.

От партизанских выстрелов бежали впередонки по темным улицам. Многих укрощала партизанская пуля или пика. Лишь некоторые достигли околицы села.

Хмелевский на несколько дней опередил неудачливого собрата по воинскому званию Окунева — при поспешном бегстве «забыл» обуть второй сапог.

100 винтовок, 11 ящиков гранат, десятки тысяч патронов захватили партизаны.

Через два дня к крепко потрепанному Хмелевскому подошло сильное подкрепление. Полковник оправился от испуга и двинулся со всеми предосторожностями на Белый Ануй. Три часа длился упорный бой. В село вошли каратели. Полковник поспешил смыть позор недавнего поражения кровью и слезами жителей — многих расстрелял, остальных выпорол плетьми.

Глубокая ночь, а в Белом Ануе дневная светлынь: свыше ста построек пылали от спички карателей.

Неудачи учили партизан. Очевидной становилась правота большевиков — победа немыслима без объединения и высокой организованности партизан...

17 сентября 1919 года урочище Загриха заполнили люди, вооруженные винтовками, дробовиками, пиками и просто камнями. Поляхали красные знамена. Здесь собирались сотни повстанцев из сел Малого и Большого Башелака, Солонешного и других.

Ораторы произносили речи, полные революционной страсти. Каждого подбадривали одобрительными возгласами, аплодисментами. Повстанцы решили вопрос жизни — из разрозненных отрядов создали 1-й партизанский полк.

8 сентября 1919 года в местечке Такуш наблюдалась подобная же картина. Здесь повстанцы Белого и Черного Ануя, Тоурака, Ильинки и других сел образовали 2-й партизанский полк.

В рядах повстанцев появился двухметрового роста, богатырски сложенный человек. Пришел и заявил, что желает драться за Советскую власть. Сначала человека встретили настороженно. Как ни говори — незнакомый, хотя и назывался политическим эмигрантом, вернувшимся на родину из Америки, как только заслышал первые залпы гражданской войны.

Единственный документ — заморский профсоюзный билет слишком непрочно подтверждал революционный настрой. Но личные качества его владельца Ивана Яковлевича Третьяка — прямолинейность и рассудительность, решительность и немногословность и, главное, ненависть к колчаковцам — пришли по душе повстанцам. В эмигранте, который в разговорах мешал русские слова с родными белорусскими, угадывался будущий командир красных партизан Горного Алтая.

23 сентября 1919 года вновь созданные партизанские полки встретились в Черном Ануе.

Объединенное совещание командного состава обсудило насущные военно-политические вопросы:

1. О значении великой борьбы, которую ведет Красная Армия рабочих и крестьян Центральной России.
2. Военная дисциплина среди партизанских частей.
3. Руководство партизанскими полками и дальнейшая их деятельность.

Эсеры выкинули обанкротившийся политический лозунг — борьба за учредительное собрание. Повстанцы же начертили на своих знаменах — «За власть Советов!»

Битыми оказались эсеры и в организационном вопросе. Полки сводились в бригаду. Ее командиром совещание избрало И. Я. Третьяка, проявившего себя с положительной стороны в глазах партизан.

В первых же боях бригада наглядно и убедительно подтвердила свою жизненность и боеспособность.

В ночь на 1 октября 1919 года партизанские полки скрытно и бесшумно окружили село Усть-Кан. Внезапный удар с нескольких сторон предопределил боевой успех партизан. Белоказачьи и каракорумские отряды хорунжего Михайлова и поручика Жучкина, воспрянув ото сна, обратились в паническое бегство. Двести колчаковцев из восьмисот остались на улицах села. Это была первая весомая и окрыляющая победа.

В бую за Усть-Кан отвагу и мужество проявили многие. Среди них был и алтаец Глушаев. Интернациональное братство двух народов крепло в горниле боев.

Бригада, чтобы нарастить свою боевую мощь, двигалась в глубь Горного Алтая, к партизанам Уймона и Абая. По пути партизан согревало тепло встреч с жителями, многие из которых становились под священные знамена борьбы.

А вскоре и цель была достигнута. Партизаны Абая влились в бригаду. Образовался третий полк, а бригада получила более солидное наименование — 1-я Горно-Алтайская партизанская дивизия.

И снова бой. Бой политический, с эсерами. Разгорелся он в поселке Сугаш 8 октября 1919 года на совещании командного состава. Как и прежде, на эсеровском знамени — затасканный лозунг об учредиловке.

Вылазки эсеров, хотя и безуспешные, требовали политического и организационного укрепления дивизии.

При дивизии родился агитсовет с широкими политическими функциями. Главу совета большевика Пичугина, рядовых членов частенько видели среди партизан и населения. Всюду они несли страстные слова большевистской правды. Среди них были и алтайцы.

Устное слово агитсовет подкреплял печатным. Для населения раз-

работал «Временные правила о власти на местах». В листовках к населению содержались призывы к укреплению дружбы и пролетарского интернационализма между русскими и алтайцами.

Агитсовет создавал органы власти — ревкомы...

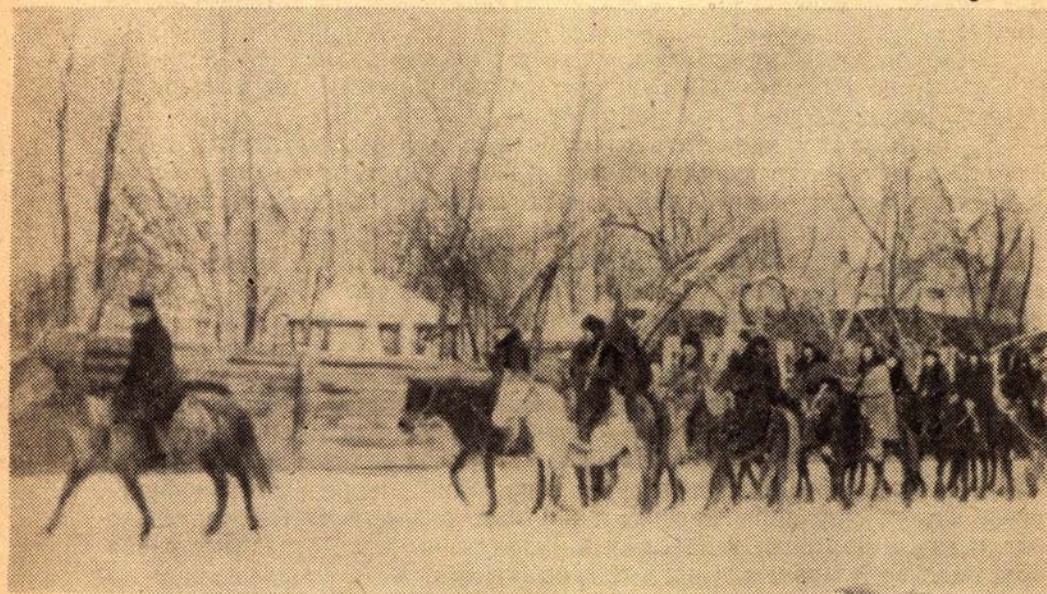
Против колчаковцев теперь выступал крупный и организованный партизанский коллектив. Причем, больше наступал сам, чем оборонялся.

20 октября 1919 года полки партизанской дивизии стремительно ворвались в Түэкту. Колчаковские и каракорумские отряды потеряли здесь одну треть убитыми, ранеными и пленными. Сам главарь отрядов Кайгородов уносил на теле метку от партизанской пули.

Колчаковцы попытались взять реванш. Наступление на Түэкту повел ранеебитый партизанами полковник Хмелевский. Полковник было уже стал потирать руки от предвкушения победы и вдруг...

В тыл его отряду ударили партизанские винтовки. Не ожидал полковник, что штаб партизанской дивизии превзойдет его в тактической хитрости — в самый разгар боя перебросит из Онгудая второй партизанский полк.

Занятие населенного пункта красными партизанами Алтая

Опыт стремительного бегства пригодился полковнику и в этот раз. Спасая шкуру, колчаковцы бросили 600 винтовок, пулемет, много боеприпасов.

Тузкта явилась как бы трамплином, с которого красные партизаны совершили стремительный победный прыжок.

В партизанские ряды приходили новые люди. В дивизии в эти дни родился четвертый полк и небывало высокий боевой дух.

В стремительных маршах дивизия умножала боеспособность. Во многих селах на смену земским управам приходили ревкомы.

Крупный колчаковский гарнизон в 1500 солдат и офицеров обосновался в селе Алтайском. Ночью 5 ноября 1919 года два полка партизанской дивизии разгромили вражескую группировку.

Закоренелый неудачник полковник Хмелевский снова решил испытать военную фортуна. Он привел к Алтайскому двухтысячный вооруженный до зубов отряд. Двенадцать часов шел упорный бой.

Полковник не раз водил своих подчиненных в атаку. Обе стороны истекали кровью. Цепкость и отвага партизан в обороне спутали планы противника. В критический момент партизаны нашли в себе силы для решительного контрнаступления.

Снова бежал Хмелевский. На этот раз слишком далеко. Буквально на плечах колчаковцев дивизия ворвалась в село Смоленское, вышла на левобережье Катуни.

Лишь ледоход на реке, отсутствие средств переправы помешали боевому маршруту на Бийск.

С победами рождались новые партизанские полки. Командование дивизии пошло на хитрость. Полкам присваивались более крупные номера. Цель одна — спутать представление противника о партизанских силах. Так, после 13-го полка шел 17-й, 14, 15, 16-го полков вообще не существовало.

Численность дивизии, разбитой на 2 бригады, уже составляла 20 тысяч человек.

Куда идти? Этот вопрос волновал всех партизан. Командование дивизии решило: на соединение с партизанской армией Мамонтова.

Путь предстоял не из легких. В любое время на партизан с севера могли обрушиться колчаковские части из Бийска, на юге раскинулись белоказачьи станицы.

И действительно, у села Ново-Покровки против дивизии выступили части Бийского гарнизона и Усть-Каменогорский казачий полк.

После неравных пятидневных боев партизаны стали отходить. У села Точильного был смертельно ранен всеобщий любимец партизан, командир второго полка Кокорин. Тяжелые дни переживала дивизия. И все же выстояла.

С Чуйского тракта на помощь пришел 4-й полк. Вести о победах армии Мамонтова вселяли бодрость в горноалтайских партизан, звали на новые боевые подвиги.

В 1 и 2 полках — ветеранах дивизии — собирали все наличные боеприпасы и распределили поровну среди личного состава. Каждый как бы отвечал перед своей совестью за напрасно истраченный патрон.

Новый наступательный порыв полков-ветеранов смял опорные пункты белоказаков в Чарышском, Сосновке, Верзиловке.

9 декабря 1919 года в селе Маралихе промким «ура!» отмечался долгожданный момент. Горноалтайские партизаны встретились с 23-м горно-стальным полком 6-й горностепной дивизии под командованием Ф. И. Архипова, которая входила в состав партизанской армии Мамонтова. А на другой день событие еще радостнее — установлена связь с частями 5-й регулярной Красной Армии.

В декабрьский мороз и вынужу 1919 года бывший политэмигрант Иван Третьяк водил свою дивизию по Чуйскому тракту — выполняя приказа командования регулярной Красной Армии.

Бесславный конец приходил колчаковским недобитым частям, помышлявшим укрыться в Монголии...

Неприятно в осенней степи. Дождь, мокрый снег. Дует пронизывающий холодный ветер. А степь все же живет. Тысячи подвод ползут по ней. Раскинутая земля цепляется многогрудовым грузом за тележные колеса.

Беженцы... Одни сидят в повозках со скарбом, другие тяжело бредут по обочинам дорог. Они устремились под защиту партизанской армии.

Колчак решил дать бой «беспорядкам» в своем тылу. С разных сторон спешили его пехота, кавалерия, артиллерия. Спешили, чтобы зажать в кольцо и одновременно нанести сокрушительный удар по партизанской армии.

Коллективный ум партизанского генералитета без особого труда разгадал тактический замысел противника. На свет появился разумный контрплан — бить колчаковцев по частям, не давать возможности объединяться в единый кулак.

До двух тысяч белополяков и казаки 7-го Тобольского полка под общей командой подполковника Когутневского подошли к селу Сидоровскому. Они имели шесть орудий и 12 пулеметов.

Вдобавок из Камня ожидалось подкрепление. Когутневский на своей шкуре испытал, что такое партизанская тактика.

Партизаны 2-го Славгородского и 6-го Кулундинского полков залегли в окопах — огородных канавах. После артподготовки белополяки без единого выстрела, во весь рост пошли в атаку.

Среди партизан не нашлось слабонервных, и «психи» цели не достигли.

С наблюдательного пункта — церковной колокольни — к партизанам поспешили Мамонтов с Громовым. А противник совсем рядом, шагов 150—200. Хорошо слышна поступь солдатского строя.

— Идут, как на ученье. Проучим, чтоб так больше не ходили...

Слова главкома заглушили дружные винтовочные залпы, треск пулеметов. Надолго залегли белополяки. Под партизанским огнем, как кроты, вгрызались в землю. И только после новой артподготовки полезли в атаку. И снова безуспешно — откатились назад с большими потерями.

Но противник не расставался с мыслью о победе. Решил действовать в обход фланга казачьей кавалерией. И этот маневр разгадан вовремя. У партизанского командования появился дерзкий замысел бросить в бой беженцев. Собрали их, объявили, что должны верхом на лошадях двигаться вслед за кавалерией Столкова навстречу казакам.

— Главное в том, чтобы устрашить врага шумом и криками....

В решительный момент боя навстречу казакам из оврага понеслась многотысячная орава конников. Нестройное многоголосое «ура» катилось по степи непонятным оглушительным ревом «Ара-ро-ро-ро-о!»

Смешались, повернули вспять казаки. Стали отходить с беспорядочной стрельбой из опасения быть окружеными.

50-летний партизан Федор Самусев с обнаженным «Смит-Бессоном» в руке увлек за собой партизанскую цепь.

— За мной, детки-ребятки!

Сотни колчаковских трупов остались у Сидоровского. Остатки колчаковцев бежали с завидной скоростью. Эскадрон партизанской конницы летел на полном галопе до самого Баево, но так и не настиг противника.

Это было 7 октября 1919 года. Победили высокий боевой дух, тактика и военная хитрость партизан.

После победы партизанам не до отдыха. Жаркий бой занимался у села Малышев Лог. Сюда шел крупный сводный отряд полковника Окуниева. Его бешеный написк еле сдержали малочисленные силы партизан.

В тяжелые минуты по партизанским окопам полетели обнадеживающие слова:

— Мамонтов с Громовым приехали... Держись теперь, беляки!..
Мамонтов с двумя полками занял село.

Атаки Окунева следовали одна за другой. Село несколько раз переходило из рук в руки. Обе стороны несли большие потери.

И вдруг, после двухдневного упорного сопротивления, противник ночью неожиданно и скрытно покинул село. Перед этим Окунев приказал сжечь ветряных мельницах трупы погибших солдат. Сотни раненых колчаковцы увозили из села.

«Ничья», продолжавшаяся в течение всего боя, закончилась победой партизан.

В это время полторы тысячи голубых улан и черных гусар спешили из Рубцовки на Волчиху и дальше на соединение с битым Когутневским. Путь колчаковцам преградила горсть отважных. Батальон 2-го Славгородского полка под командованием Жарикова на перешейке возле озера Горького двое суток сдерживал врага.

Лишь опасность обхода заставила партизан отступить к Волчихе.

Сюда и поспешил на помощь со своими полками Мамонтов. Разгорелся бой.

И опять колчаковцы допустили тактический просчет. Сочли, что разгром партизан в Волчихе неизбежен, и бросили ударную группировку казаков в глубь партизанского тыла на Вострово.

Достойно встретили их партизанские полки Громова, которые двигались в сторону Волчихи. Обескураженные неожиданностью, казаки в панике бежали к Волчихе. Их настроение передавалось колчаковцам, которые силились сбить с позиций партизан в Волчихе.

Капитан Кауров, возглавлявший операцию, бежал в Семипалатинск, оставил на поле боя много оружия и свыше семисот убитых и раненых.

В ставке Колчака негодовали и строили планы на будущее.

Новый карательный поход против партизан, более масштабный, возглавил начальник тыла колчаковской армии генерал-лейтенант Матковский. 15 тысяч солдат и офицеров, сотни пулеметов и десятки орудий, три бронепоезда отдавались в его распоряжение.

Генерал не придумал тактической новинки. Как и его предшественники, намеревался обрушиться на «партизанскую Москву» — Солоновку с нескольких сторон. Партизанский генералитет, разведав о том, противопоставлял свою, недавно испытанную в боях, тактику.

Матковский перед операцией обратился с грозным приказом «к населению».

Он одновременно устрашал и прельщал: «Со всех сторон начинается наступление правительственные войск, ибо дальше терпеть беспорядков нельзя»...

За помощь в поимке партизанских командиров, большевиков и «других самозванцев» крестьян обещали «наградить и сделать поощрения». За «неповинование» — смертная казнь.

Началось развернутое наступление. Два пехотных колчаковских полка — 43-й Омский и 46-й Томский двинулись со станции Поспелиха и заняли село Мельниково.

Но не дремало и партизанское главнокомандование...

В 4 часа утра 14 ноября, еще не брезжил рассвет, а три партизанских полка повели наступление на Мельниково. Начало, казалось, предвещало удачу. Бесшумно снята сторожевая застава колчаковцев. Но стоило партизанам втянуться в улицы села, как заговорили пулеметы и пушки противника, затарахтели взрывы гранат. Под Маморитовым и Громовым убиты лошади.

Паника в рядах партизан усилилась оттого, что колчаковцы устроились в их тыл и заняли село Селиверстово.

И все-таки колчаковцы не добились своего. Интернациональная рота венгров с честью выполнила приказ партизанского главнокомандования — прикрыла отход партизанских полков.

И вот новый боевой рубеж — Солоновка. Начальник штаба Жигалин заблаговременно отрыл здесь по всем правилам окопы. Система озер с узкими перешейками усиливала позиции партизан.

Утром 15 ноября 1919 года разрыв первого колчаковского снаряда оповестил начало боя. Плотность артиллерийского огня нарастала. Пушистый снег, падавший сверху, смешался с тучами черной пылии.

Долго молчали окопы защитников Солоновки. Но когда заговорили — первые же залпы и пулеметные очереди смели колчаковцев. Оставшиеся в живых поспешили в спасительное убежище — бор.

Артиллерия противника особенно яростно принялась молотить по перешейку между озер. Здесь окопались венгры-интернационалисты Макса Ламберга. Огонь их пулеметов оказался особенно губительным для колчаковцев.

Каждый раз после артиллерийской подготовки окопы партизан захватывались вымершими. Но стоило колчаковцам приблизиться к ним и на верный выстрел, и они прощались с надеждой на победу, густо устилав землю трупами.

Противник безуспешно топтался на месте.

16 ноября радостно застучали сердца защитников Солоновки. Издалека донесся обнадеживающий и приглушенный грохот боя.

То 1, 6, 7-й партизанские полки с боями спешили в Солоновку. Их не с пустыми руками, а с желанными гостицами — пулеметами, винтовками, боеприпасами, отнятymi у колчаковцев.

У деревни Горькое озеро 1 и 7-й полки молниеносно ударили и по

резерву противника. В итоге — полный разгром пехотной роты, пулеметной команды, взвода прикрытия и связи.

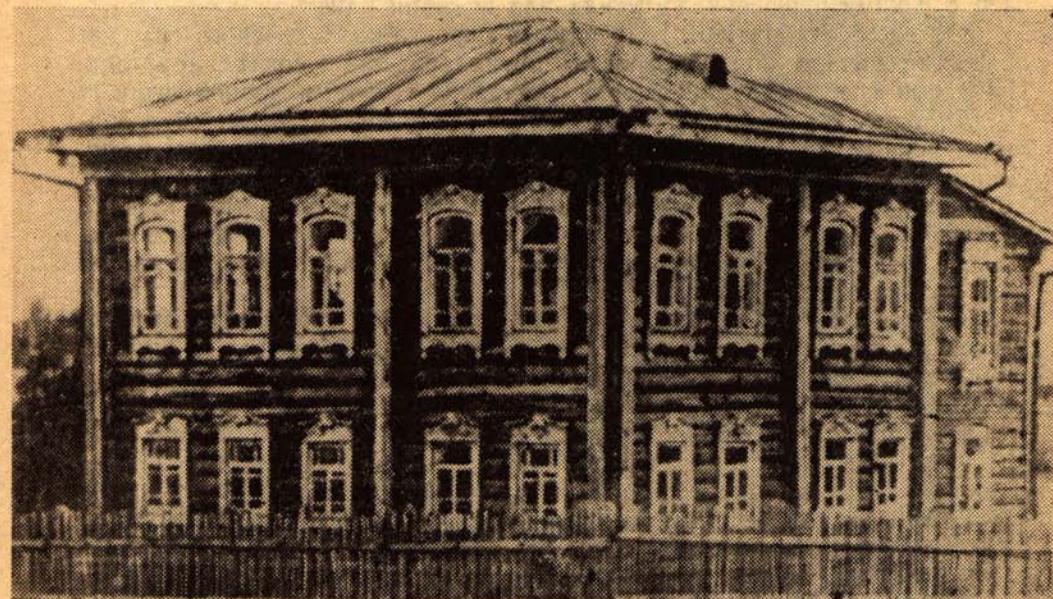
Ночью в Новичихе партизанские подразделения 400 колчаковцев убили, 300 пленили. 1 и 7-й полки в тот же день повели наступление на Селиверстово.

Значительно пополнился партизанский арсенал. В одной только Новичихе захвачено 9 пулеметов, много боеприпасов.

А в Солоновке натиск колчаковцев не ослабевал. После неудачных атак в лоб голубые уланы — часть пехоты и кавалерия — предприняли фланговый обход партизанских позиций, намеревались по льду озера ворваться в село.

Навстречу наступавшим ударили свинцовый шквал. Из избушки на окраине Солоновки взахлеб бил партизанский пулемет. На озерный лед мешками падали голубые уланы. Сам Ефим Мамонтов, разгадав замысел противника, стал пулеметчиком. Вдруг он засмеялся. Не столько от радостного упоения боем, сколько от промытого партизанского «ура» и топота конских копыт за спинами наступающих.

Дом в Солоновке, в котором размещался Главный штаб Западно-Сибирской крестьянской Красной Армии

Оказалось, что кавалерия 6-го партизанского полка подоспела из Селиверстово и атаковала колчаковцев с тыла.

Лед трещал под ногами бегущих. Главком их был теперь в спину. У Солоновки создалась любопытная расстановка сил — «пиrog». Вокруг защитников Солоновки образовалось полуоколо противника, его же плотно обложили 1, 4, 6, 7 и 11-й партизанские полки.

Утром 17 ноября партизанские полки в Солоновке пошли в атаку. Но в «пироге» не оказалось «начинки» — под покровом ночи изрядно потрепанные колчаковские части поспешно ушли на первоначальный рубеж — Постелиху.

Поражение отборных полков и победа партизан спутали карты колчаковской ставки.

Престарелый генерал Евтин с 3 кавалерийскими полками больше суток безуспешно атаковал позиции 10-го Змеиногорского полка под командованием Шумского на подступах к Волчихе. Генерал рвался на помощь постелихинской группировке, но, заслышив о Солоновском бое, поспешно драпанул в обратную сторону, через Рубцовку на Семипалатинск.

Победа... Нелегко она досталась партизанам. Они понесли ощущимые потери. Но, пожалуй, самая тяжелая из них — гибель общего любимца, бесстрашного командира 7-го полка «Красных орлов» Федора Колядо.

Несколько дней назад полк Колядо разгромил колчаковцев в селе Павловском. Жители повязали через плечо победителю красную шелковую ленту. С ней и бросился Колядо в бой у Селиверстова — и оказался примечательной мишенью для противника.

Победа... Нелегкая и омытая кровью лучших бойцов. И вместе с тем настоящая, полная. Печаль потерь не могла омрачить настроения партизан, светлого и приподнятого.

— Победа! Победа!..

Член Барнаульского большевистского подполья Матвей Иванович Ворожцов (Анатолий) частенько бывал вблизи казармы солдат охраны железнодорожного моста через Обь.

В одну из июньских ночей 1919 года под мостом вниз по течению реки бесшумно скользнула лодка. А наутро весь город узнал о дезертирстве 17 солдат охраны во главе с унтером Булгаковым.

Анатолий выполнил первое поручение подпольного комитета большевиков — распространял солдат и повел их к партизанам Причумышья.

Шли всю ночь, чтобы подальше оторваться от возможной погони.

М. И. Ворожцов (Анатолий)

ком туманно высказывался о целях борьбы партизан. Постепенно в действиях Рогова и обстановке, которую он создавал вокруг себя, все отчетливее проскальзывали и утверждались анархические замашки и начала.

«Надо воспрепятствовать влиянию анархистов на партизанское движение. Сделать это движение полностью советским». С этими мыслями Анатолий на другой день пришел с отрядом к деревне Средне-Красилово. И здесь первая боевая стычка, победная. Свыше десятка карателей полегло в бою. Отряду Анатолия досталось несколько винтовок, патроны.

11 июня 1919 года отряд с красным знаменем вошел в деревню Пещерку. Тронула встреча крестьян по русскому обычаю с хлебом-солью. Собрался митинг, и Анатолий рассказал о Великом Октябре, задачах Советской власти и борьбе против колчаковщины.

Пачками сыпали крестьяне вопросы — слишком велик оказался интерес к рассказанному.

Отряд уже вышел за село, а Анатолий все еще отвечал крестьянам.

И вдруг выстрелы карателей, галопом мчавшихся по селу. Пути к отряду нет. Единственное спасение — бежать совсем в другую сторону через огороды.

Над головами тонко зазвенели пули. Одна больно ужалила беглеца в бедро.

Долго раненый скрывался от глаз карателей. Каждый шаг стоил больших напряжений воли. И все же Анатолий добрался до Жуланихи — резиденции отряда Рогова.

Анатолием невольно овладели размышления. И до него барнаульские подпольщики посыпали своих представителей в Причумышье, в партизанский отряд Рогова. При Советской власти крестьянин-середняк Рогов был членом губернского земельного комитета. При Колчаке, преследуемый со своими родственниками, взялся за оружие.

Партизаны называли своего командира «батькой». В том звучало своего рода признание за Роговым умения искусно воевать.

И действительно, для карателей он был просто неуловим.

Однажды Рогов повстречал отъявленного анархиста Новоселова, который «гулял» с отрядом по тайге.

После того «батька» круто изменился. Колчаковцев бил по-прежнему, но умалчивал или слиш-

Быстро возвращались силы. Вскоре и дерзкая вылазка вместе с Роговым. Без единого выстрела «колчаковскому офицеру» Рогову вместе с Анатолием удалось обезоружить пещерскую и залесовскую кулацкие дружины.

Первые боевые успехи партизан взбудоражили карателей. Они двигались на партизан с разных сторон. В поисках выхода из положения столкнулись два противоположных мнения. Анатолий предложил тактику гибкого маневра, внезапных ударов по опорным пунктам противника.

— На первый раз ударим по Салаир...

Рогов отстаивал пассивное выжидание, надежду на «авось».

— Крестьянин — хороший воин у своего порога. Уходить от него совсем не резон...

Но Рогов все же пошел на Салаир.

Схватка оказалась короткой. Внезапность принесла успех партизанам. Часть колчаковского гарнизона была уничтожена, другая попала в плен. Два пулемета, несколько десятков винтовок, тысячи патронов, теплое обмундирование крайне пригодились партизанам.

Тактика, предложенная Анатолием, принесла успех. Затих Рогов. Но раненое самолюбие беспокоило, рождало дух противоречия коммунистам, Анатолию.

18 июля 1919 года в Жуланихе состоялся 1-й съезд рабочих и крестьянских депутатов так называемого Причурского края («чернь» — Салаирская тайга). На нем были представлены 14 волостей. Душа съезда — коммунисты. Они видели в съезде силу, способную обуздать анархическую стихию.

Съезд положил начало организованной Советской власти — избрал исполнком краевого Совета из 29 человек, создал при нем отделы и революционный суд.

Рогов выступил против съезда и его решений...

В Причумышье действовало много других партизанских отрядов. 2-й съезд Советов в той же Жуланихе 12 сентября 1919 года подчинил большинство отрядов Революционному штабу. Обновился, укрепился коммунистами исполнком, который развернул широкую военно-хозяйственную, политическую, культурную работу.

Вместе с Анатолием и Крыловым Рогов вошел в Революционный штаб, но остался на прежних идеальных позициях.

В октябре закипел упорный бой за Сорокино. После сложных боевых перипетий Сорокино стало партизанским центром Причумышья. Исполнком усилил борьбу за твердый порядок, пресечение анархических проявлений.

В Порошино партизаны разгромили две роты вражеской пехоты и два эскадрона каракорумской кавалерии.

23 ноября партизаны осадили в Тогуле восемьсот колчаковских солдат и кулацкие дружины. Почти двадцать дней держался здесь противник, запервшись в церкви — настоящей крепости. Во время боев Рогов с Новоселовым затихали, но давали «бой» коммунистам в любой другой момент.

4 декабря 1919 года партизаны и жители Сорокино и окрестных сел собрались на митинг у могилы жертв колчаковщины.

Страстную политическую речь произнес Анатолий. С трибуны «пустили слезу» Рогов с Новоселовым и здесь же отвергли то, за что боролись погибшие.

— Ни к чему заседательство. К чему съезд? Разобьем Колчака — все само устроится...

На другой день Рогов с Новоселовым не пошли на 3-й съезд Советов. Примерно десятая часть менее сознательных партизан пошла за ними в поход на Кузнецк.

Съезд прошел дружно, положительно решил вопросы повестки дня.

Стремительно разворачивались события. В селе Черемушкино объединились два отряда — Анатolia и партизан нижнего Чумыша под командованием Громова-Амосова. Образовалась 1-я Советская Чумышская дивизия из трех полков под командованием Анатolia.

А Рогов с Новоселовым? Их «третий путь» потерпел полный крах. Позже они с оружием выступили против Советской власти. Железная рука народа жестоко и справедливо покарала их.

Чумышская дивизия 13 декабря 1919 года соединилась с 312-м полком 5-й регулярной Красной Армии.

Член Барнаульского подпольного комитета большевик Анатолий выполнил поручение партии — анархистам не удалось подчинить себе чумышских партизан.

Исход боя в Солоновке открыл пути к решающим победам партизанской армии.

В конце ноября 1919 года остатки Постпелихинской группировки колчаковцев восстали против своих офицеров.

Намного выросшая партизанская армия получила из рук повстанцев много оружия, боеприпасов, обмундирования.

По Алтайской земле загудела победная поступь партизанских полков.

18 ноября 1919 года вновь стал советским Славгород. 28 ноября партизанская группировка Громова вошла в Камень, 3 декабря парти-

заны во главе с командиром 10-го Змеиногорского полка Шумским во-
друзили знамя победы над Семипалатинском.

Колчаковцы бежали из Змеиногорска, Бийска. Лишь в цитадели колчаковцев на Алтае — Барнауле — еще курсировали усиленные бе-
лые дозоры.

С Соборной площади (ныне площадь Свободы) в сторону деревни Ересной били орудия. Но в орудийных нестройных залпах слышалась обреченностъ колчаковцев. В городе готовили вооруженное восстание рабочие дружины, а партизанские полки под командованием самого Мамонтова неудержимо рвались в Барнаул.

Морозным утром 10 декабря 1919 года дороги — спуски с нагорной части в центр города — расцветились маками. Красные ленты на шап-
ках, одежде, пиках партизан.

Город ликовал. У многих горожан на рукавах тоже красные по-
вязки. На площадях и улицах занимались жаркие митинги, проходили трогательные встречи. Речи ораторов тонули в одобрительном гуле, ап-
плодисментах.

Барнаул праздновал свое обновление.

На Соборную площадь пришел и Алекса Перевалов. Он умолял ка-
кого-то партизана-кавалериста:

— Не имею барского достатка, а в гости к себе приглашаю. Айда
ко мне!..

Партизан усмехался и отнекивался:

— Родственники в городе есть. К ним дорога.

Алекса на своем:

— Успеется к родственникам. Первым вошел в город полк «Крас-
ных орлов», а ты в нем, своими глазами видел. Ить вы власть Совет-
скую принесли в город. Нутром чую — теперь навсегда. Пойдем же!

Партизан не устоял:

— Ну раз навсегда — тогда пойдем...

В качестве иллюстраций использованы фотоматериалы из
фондов Государственного архива Алтайского края.